

ПЁТР ЛЕВИН

КАНЦЕЛЯРСКАЯ
КРЫСА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОМ 2

НУЛЕВОЙ РАНГ

18+

Пётр Левин

Канцелярская Крыса Его Императорского Величества.

Том 2. Нулевой ранг

<https://litres.ru/74500319>

SelfPub; 2026

Аннотация

Звать меня Курт де Гри. В прошлой жизни я был московским адвокатом Иваном Винтороговым, а в этой продолжаю карабкаться по карьерной лестнице Империи.

Теперь я Особый ревизор Канцелярии Его Императорского Величества. Звучит солидно. Вот только работы прибавилось: чтобы вернуться на Землю к семье и любовнице, я должен добыть для Дьявола сто душ аристократов и казнить самого Императора. Причём обязательно по закону.

А ещё я никак не могу решить, кого хочу больше: Бьянку или Салли. Гном Черк разыскивает пропавшего брата-мошенника Трика. Мой бывший враг Ларок теперь служит в моей команде и всё ещё влюблён в Салли. Воздушный маг Василис сохнет по Бьянке. В общем, с личной жизнью полный порядок. То есть полный бардак.

Впереди новые расследования, дворцовые интриги, аристократы, которых очень хочется казнить, и двухсотлетний вампир Дракул. Последний умеет не только кусаться, но и шутить по-чёрному.

И я ведь всё-таки юрист. А значит, даже цареубийство постараюсь оформить без нарушений.

Содержание

Глава 1. Чёрный ключ	5
Глава 2. Кабинет особого ревизора	26
Глава 3. Один из ста и ещё один	49
Глава 4. Ромашки против ванили	65
Глава 5. Предложение с печатью	85
Глава 6. Мёртвые платят налоги	106
Глава 7. Арест покойника	130
Глава 8. Странный суд	142
Глава 9. Устав Пустой короны	160
Глава 10. Брат на жалованье	182
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Канцелярская Крыса

Его Императорского Величества. Том 2. Нулевой ранг

Глава 1. Чёрный ключ

Я проснулся оттого, что кто-то тихо сопел рядом. Сопел почти неслышно, с небольшими перерывами, будто старался даже во сне никому не мешать. Я всё ещё не решался открыть глаза, на которые падало солнце и обжигало, я видел свои розовые веки, и дико хотелось отлить. Но я боролся с желанием встать и пойти в туалет и желанием ещё понежиться в кровати. Хотя, какие нежности, когда такой долгий кошмар снился? В этой кошмаре я попал в дурацкую Империю разжалованным клерком возрастом 22 лет, прошёл огонь, суды и ещё раз суды, был обласкан двумя юными красавицами — ромашковой златовлаской Бьянкой и темноволосой Салли, обе чуть не вышли замуж за других, но я помешал. Кроме того, мой отец Альберт де Гри по тому миру был похищен секретным орденом Сломанной короны, которая к тому же наштамповала двойников и заменила ими многих судей

и чиновником Империи... А ещё я заключил сделку с самим Дьяволом, который назвался не для протокола Партнёром, на то, что отправлю на эшафот 100 аристократов не ниже 10 ранга и самого императора Августа, который правит в Империи уже 200 лет, хотя ему не дашь больше 25... А ещё этот проклятый Август, как и я, попал в Империю попаданцем, и даже сам Дьявол не знает, кто он и откуда его душа...

В этой Империи у всех есть свои способности. Бьянка умеет пускать бабочек и управлять драконами, например, Фискалом, который любит подпаливать задницы аристократам, чем не помогает, а скорее мешает. Василис, жених Бьянки, управляет воздушными потоками и может создать из ничего ураган. Салли, которая постоянно лазит ко мне в окно, умеет летать. А её жених Ларок стреляется серебряными молниями... Ещё есть гном Черк, которого приходится таскать на плечах, потому что он маленький и устаёт, а его пропавший брат Трик — лучший работник ордена Пустой короны, который вставляет палки в колёса мне и своему брату. Я же не умению ни летать на драконах, ни стреляться молниями... У меня есть только один дар, полученный от Дьявола — видеть нарушения закона.

Я улыбнулся, вспомнив сон. И, собравшись открыть глаза, зашептал:

— Иришка, разожгла мне шику...

Я открыл глаза и вместо белого потолка увидел крашенные в синий доски с нарисованными золотыми звёздами. Где я,

чёрт поberi? Я протёр глаза и медленно поднялся, усевшись на кровати, посмотрел на свои руки и ужаснулся: это были не мои руки.

Сопение доносилось от окна. Укрытая пледом, поджав ноги, в кресле спала крошка с золотыми волосами... Волшебное создание. И тут я понял всё: это не сон, а моя душа действительно переселилась в тело Курта де Гри.

Голова девушка была склонённой набок, золотые волосы рассыпались по плечам, одна прядь закрыла губы. Она иногда шевелилась, морщила маленький нос и продолжала спать, совершенно не подозревая, что мужчина, которого она до недавнего времени считала братом, лежит в пяти шагах и рассматривает её с далеко не родственными намерениями.

Впрочем, мои намерения сейчас были срочно сходить в туалет и отлить.

Я слез с кровати стараясь не скрипеть, накинул халат и медленно вышел из комнаты, прошёл по коридору в уборную и... Я не мог побороть свои мысли, дико хотелось отлить, но чувства переполняли меня, и я никак не расслаблялся. После вчерашней поездки во дворец и получения должности Особого ревизора Канцелярии Его Императорского Величества, я вернулся поздно.

Пан Жорка, учитель фехтования, косарь, кузнец и повар, караулил у ворот. Всю дорогу Черк раз десять перечитал указ о нашем назначении моим официальным помощником и потребовал оформить его спецнадбавку 14% отдельным согла-

шением. Бьянка встретила меня в кабинете, заставила рассказать всё про Августа, мой новый кабинет и новую должность и, конечно, про отца. Про золотую надпись над головой Императора о том, что он не является гражданином империи я, конечно, умолчал. А ещё меня заботило, не мог ли сам император Август видеть подобные надписи над моей головой... Ах, как всё сложно!

Я, конечно, хотел всё рассказать и ей, и Черку. Но не знал, как. «Бьянка, дорогая, Император, возможно, такой же пришелец, как я. Только я вселился в мёртвого клерка, а он, судя по всему, уже много лет сидит на троне и совершенно не стареет».

Хорошая семейная новость. Особенно после выяснения, что сама Бьянка мне не родная сестра и происходит из исчезнувшего рода укротителей драконов, отец жив в секретной тюрьме, а настоящий Курт где-то существует в виде отдельной души и ждёт, пока я отправлю на эшафот аристократов и императора, моя душа улетит на Землю, а его вернётся в тело Курта де Гри.

Потом Бьянка заявила, что останется ненадолго, села в кресло и быстро заснула. Я выпил грушевого компота, который принесла матушка, и тоже отрубился на своей кровати.

Я вспоминал образ спящей Бьянки, милашки, и думал, что жизнь опять превращается в бардак.

Нет, не так. Я сам превращал её в бардак. Всё, что делает человек, эльф или гном, он делает сам. Не надо сетовать на

Дьявола или делать отсылки к Богу. Сам, всё сам.

Теперь у меня имелись две семьи — одна на Земле, другая в Империи, а ещё любовница Иришка и две красивые девушки, которым я не только хотел, но и по всей видимости вскорости мог хорошенько присунуть. Два мира, два Шапиро. Успокаивало лишь то, что новая должность Особого ревизора Императора давала какую-никакую стабильность, что в моём положение лучше, чем ничего.

Я повернул голову и посмотрел на свой стол. На столе стояла фигурка крысы, которая держала в лапках книгу. Эту побрякушку император Август использовал в качестве пресса для бумаг и как бы случайно подарил мне. Но теперь я понимал, что крыса стояла на его столе не случайно. Такой послушной крысой в руках императора должен был стать я сам. На Земле я работал на себя, был мелким адвокатишкой, который иногда благодаря своей беспринципности проворачивал крупные аферы спасая от тюрьмы жуликов и убийц. Тут же я становился марионеткой в руках Императора Августа, который сам не знал или делал вид, что не знал, что за ниточки, привязанные к моим рукам и ногам, дёргает никто иной, как сам Дьявол, именуемый Партнёром... Такая вот петрушка.

В это время струя полилась и я, наконец, облегчился. Словно три дня не отливал. Свобода моче! Я вернулся и лёг в постель. И из-под щёлки в одеяле стал наблюдать за Бьянкой и её великолепными формами, проступающие через плед.

Бьянка шевельнулась, плед сполз с плеча. Под ним оказалось тонкое светлое платье. Ткань натянулась на груди, открыла ключицу. Я смотрел дольше, чем следовало. Она открыла глаза.

— Насмотрелся?

— Только проснулся.

— Врёшь. Ты уходил.

— Я делал свои мужские дела, о которых тебе знать не обязательно.

— А на меня зачем пялился, когда вернулся?

— Проверял, жива ли ты.

— По груди?

— Она двигалась при дыхании. Надёжный признак.

Бьянка попыталась завернуться в плед, запуталась, чуть не упала с кресла и в последний момент ухватила за подлокотник, её груди неприлично оголились почти до острых сосочков.

Я засмеялся, пытаюсь подавить мужское желание.

— Не смешно.

Я хохотал, а в мозгах представлял всяких старух, пытаюсь сбить надвигающееся возбуждение.

— Я всю ночь ждала, пока ты закончишь читать императорские бумаги. И заснула. Может мне подойти сейчас к тебе и защекотать до смерти?

Этого ещё не хватало! Если она сейчас подойдёт и начнёт меня лапать, я не сдержусь и наброшусь на неё. Пытаюсь пе-

ревести разговор в другую сторону, я сказал:

— Могла лечь в своей комнате.

— Мог разбудить.

— Боялся.

— Чего?

— Что ты не захочешь уходить.

Бьянка поднялась и наступила на пол босыми ногами. Туфли стояли возле кресла, одна лежала на боку. Бьянка подошла к кровати, остановилась передо мной и положила ладони на бока.

— Показывай.

— Что? — я не на шутку испугался.

Холодный пот выступил на лбу.

— Ключ показывай, который тебе передал Император Август!

Я выдохнул и достал из-под подушки чёрный ключ.

Ночью положил туда на всякий случай. Не самое надёжное хранилище, но какое есть. Ключ был небольшой, но тяжёленький, с длинным узким стержнем и квадратной головкой. На головке темнел знак, похожий одновременно на закрытый глаз и перечёркнутую корону.

Бьянка села на край кровати.

— Он открывает тюрьму, где содержится отец?

— Один из внешних проходов.

— Так сказал Август?

— Да.

Она провела пальчиком по чёрному металлу и задела мои пальцы.

— Холодненький, — проговорила она чувственными губами, которые я дико хотел засосать. Желание было преодолимым, но грань, которая отделяла действие от недействия, была тонка.

Я было подался вперёд, чтобы поцеловать Бьянку, но она положила свой указательный пальчик мне на губы и тут же, покачав головой, убрала палец.

— А если ключ — это ловушка? — спросила как ни в чём не бывало она, чуть отсев.

— Значит, Император решил убить меня довольно сложным способом. Мог просто приказать страже не выпускать из дворца.

Бьянка, как бы сжалившись надо мной, подсела ближе и упёрлась бедром в мой бок. Тёплое, желанное бедро, я его чувствовал... я его хотел.

Я уже собирался потрогать Бьянку из-под одеяла, но в дверь постучали: три лёгких удара.

Бьянка будто поняла, кто стучит (она всё-таки укротительница дракона, может выпускать бабочек и наверняка видит сквозь стены), и как бы нарочно нарочито грубо проговорила:

— Кого там принесло с утра?

Дверь открылась. Салли вошла в нежно-голубом платье и коротком белом плаще, который едва прикрывал бёдра, это

был не плащ, одно название, скорее куртка. Тёмные волосы уложены, губы розовые, на щеках лёгкий румянец. Она увидела Бьянку на краю моей кровати и опешила

— Доброе утро, — сказала Салли.

— Доброе, — ответил я.

— Для кого как, — произнесла Бьянка.

Салли прошла внутрь, закрыла дверь и улыбнулась так спокойно, что стало ясно: всё заметила, всё поняла и решила не уступать.

— Я приехала провести Ларока.

— Он живёт в восточном крыле, — сказала Бьянка. — Это западное.

— Я заблудилась.

— Ты уже была в нашем доме.

— Дом большой, коридоры путанные.

Раньше в нашем поместье было трудно заблудиться. Особенно после того, как приставы едва не продали его за двадцать три золотых по поддельным документам. Но с восстановлением рода комнаты, наверно, начали магически раздвигаться, чтобы красивые шатенки случайно попадали прямо в спальню главы рода, то есть мою.

Салли подошла ближе.

— Курт, как ты себя чувствуешь после суда Божия?

— Хорошо.

— Голова не болит?

У меня болело другое место, ниже пояса. И я пытался

незаметно сделать складки на одеяле, чтобы прикрыть своё возбуждение. Салли протянула руку и коснулась чёрного следа на груди, который оставил рикошет от молнии Вена фон Брауна. Пальцы тёплые, нежные. Я почувствовал, как молодое тело Курта мгновенно решило, что утро становится прекрасным.

Бьянка это заметила и сказала:

— Лекарь уже осматривал, всё в порядке.

Салли не убрала руку.

— А я волновалась.

— Вчера могла провести, — ответила Бьянка.

— Вчера Курт был во дворце.

— После дворца.

— Было поздно.

— Раньше тебя это не останавливало. Ты залазила к Курту в окно поздно ночью.

Салли покраснела.

Я попросил девушек отвернуться, поднялся и начал искать рубашку. Чем дольше обнажённый мужчина сидит между двумя красивыми женщинами, тем меньше у него шансов сохранить разум, достоинство и хорошие отношения хотя бы с одной.

Оказалось, что рубашка лежала на кровати под Бьянкой.

Я прошёл к шкафу, схватил другую. Она оказалась парадной, с жёстким воротником и серебряной вышивкой. Надевать такую утром в собственном доме глупо, но лучше вы-

глядеть глупо, чем стоять голым по пояс, пока женщины спорят, кто имеет право рассматривать мои раны.

— Где Ларок? — спросила Бьянка.

— Не знаю, — ответила Салли.

— Ты же приехала его провести.

— Я только приехала.

— И сразу ко Курту в комнату!

Салли подошла, поправила высокий воротник.

— Случайно. Я же сказала.

В нос ударил аромат ванили. Видя это, Бьянка сделала пас руками, и комната наполнилась ароматом ромашек. У меня закружилась голова, как будто я зашёл в комнату, напшиканную дихлофосом. Вообще дамам лучше быть умеренным в своих туалетных водах и не превышать два-три-четыре пшыка.

Если так пойдёт дальше, комната будет источать ароматы кондитерской возле цветочного магазина...

Салли задержала пальцы на моей шее.

— Ты теперь действительно служишь лично Императору?
— спросила брюнетка.

— Особый ревизор Канцелярии Его Императорского Величества.

— А что будешь делать?

— Проверять аристократов.

— Всех?

— Кто плохо себя ведёт.

— Тогда тебе придётся начать с меня.

— Что нарушила?

Салли улыбнулась.

— Вошла без разрешения.

— Могу провести личный досмотр.

Бьянка резко встала.

— Курт!

— Что?

— Ты обещал утром поговорить с матушкой.

— Сейчас?

— Немедленно.

— О чём?

— Об отце.

Салли стала серьёзной.

— Альберт жив?

— По словам Императора.

— И он знает, где находится?

— Знает.

— Тогда почему не освободит?

— Тюрьма не подчиняется обычным приказам.

— Как тюрьма может не подчиняться Императору?

— Вот это мне и предстоит выяснить.

Я зажал черный ключ.

Салли посмотрела на чёрный металл.

— Отец обсуждал с Веном фон Брауном тайные переходы.

Я слышала названия мест.

— Какие?

Салли задумалась.

— Небесные Ванны. Северная дорога. Ещё говорил о каком-то Нулевом ранге.

Чёрный ключ слегка нагрелся, на чёрной поверхности проступила тонкая красная линия. Она прошла по стержню, обогнула головку и загорелась внутри перечёркнутой короны.

— Что ты сделал? — спросила Салли.

— Ничего, — сказал я и положил ключ на стол.

Ключ развернулся, острый конец указал на окно.

Из коридора донёсся грохот.

Кто-то тяжело бежал по лестнице задевая стены. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался пан Жорка с мечом в руке и одним сапогом на ноге.

— Господин Курт! У ворот человек!

— Какой?

— Мёртвый.

— Тогда чего бежал?

— Он ещё шевелится.

— Тогда он раненый.

— Так он по документам мёртвый!

Я схватил ключ, обжёг пальцы, завернул его в платок, сунул в карман брюк и выбежал в коридор, не надевая сюртука. Нужно было спешить. Бьянка и Салли, разумеется, поспешили следом, хотя я как глава рода приказал им остаться.

Обе проигнорировали.

Внизу уже поднимался шум. Матушка София вышла из столовой, Черк выглянул из кабинета с пером за ухом и с приспущенными на кончик носа очками в круглой оправе, Ларок появился на лестнице восточного крыла, застёгивая камзол на ходу.

— Что случилось? — спросил он.

— У ворот мертвец.

Мы поспешили во двор.

Фискал стоял возле дороги, расправив крылья, и не подпускал никого лежащему человеку. Хотя никого и не было — некого было не подпускать.

Пан Жорка сказал на бегу, что успел отправить слугу за лекарем Руроном, при этом держал меч наготове в правой руке, словно раненый мог внезапно встать и напасть.

Мужчина лежал на земле у каменного столба, где раньше должны были стоять ворота. Старый тёмный плащ разорван, одежда под ним пропитана кровью. Лицо худое, заросшее. На шее железный обруч с обломанной цепью, на запястьях кольца.

Над телом вспыхнули золотые строки.

«Незаконное содержание лица, официально признанного умершим».

«Лишение гражданского состояния».

*«Нарушение запрета на повторное применение по-
смертной регистрации».*

И ещё одна:

«Демир си Вальд. Дата официальной смерти: семь лет назад».

Вот и новый покойник.

— Знаешь его? — спросил я у Ларока.

Он подошёл ближе, посмотрел.

— Нет.

— Черк?

Гном остановился возле сапога мужчины.

— Демир си Вальд... Работал в Северной счётной палате.

Его обвинили в хищении и убили при попытке бегства.

— Семь лет назад?

— Кажется, да.

— Кажется?

— Я не храню в голове даты смерти всех умерших чиновников. У меня голова маленькая.

Мужчина застонал. Я опустился на колено рядом. На боку у него была глубокая рана, края почернели. Из раны медленно выходил дым, кровь уже почти не текла. Человек потерял слишком много.

— Демир, — сказал я. — Вы меня слышите?

Веки дрогнули. Он открыл глаза: левый голубой, правый красный.

— Де... Гри... ты так похож на отца...

Пальцы вцепились в мой рукав. Силы умирающего иногда удивляют. Больной человек не удержит кружку, а перед

смертью способен вырвать тебе все пуговицы на пиджаке.

Чёрный ключ через платок обжѐг бедро.

— Откуда вы пришли?

Мужчина вздохнул и попытался выдохнуть. Вместо воздуха из горла вырвался хрип.

— Нулевой... ранг...

— Что это?

Он не ответил.

Свободной рукой полез под плащ. Пан Жорка поднял меч, но я остановил.

Демир достал сложенный вчетверо кусок бумаги, испачканный в крови и грязи. Протянул мне.

— Где Альберт де Гри? — спросил я.

Губы зашевелились. Я наклонился ближе.

— Ни... кому... Не... верь...

Рука на рукаве ослабла голова повернулась набок. Над телом появились новые строки:

«Смерть зарегистрирована фактически».

Потом ниже:

«Повторная смерть лица, ранее признанного умершим».

Умер второй раз, почти как я. Подошедшая матушка София стояла за моей спиной, прижав ладонь ко рту.

— Он знал Альберта?

— Да. Он сказал, что я похож на него.

Лекарь прибежал слишком поздно. Опустился возле тела,

провёл палочкой по груди и объявил очевидное.

— Мёртв.

— Второй раз, — сказал Черк.

Я развернул бумагу. Это был обрывок реестра. Плотный серый лист, разорванный по краям. Слева номера, справа короткие отметки.

Большую часть размыло кровью. Но несколько строк можно было прочитать.

«Объект 041. Доставлен после официальной казни».

«Объект 063. Душевная привязка сохранена».

«Объект 071. Подготовить к замене».

Ниже:

«Объект 000. Особое содержание. Доступ только по чёрному ключу».

На обороте стояла свежая регистрационная отметка и вчерашняя дата.

Я вытащил ключ из платка и поднёс к документу, держа на платке. Металл снова раскалился, красная линия загорелась ярче. На листе проявились скрытые буквы:

«Внешний проход открыт для побега».

Ниже:

«Несанкционированный выход одного объекта».

— Демир си Вальд сбежал из тюрьмы, из которой невозможно сбежать, — сказал Василис.

Я не заметил, когда воздушный красавчик появился. Наверно, прилетел. Волосы как всегда лежали идеально, мун-

дир как из химчистки. Некоторые люди даже на место смерти приходят так, будто сейчас будут позировать художнику.

— Или его выпустили, — ответил я.

— Зачем?

— Передать мне бумагу, зачем же ещё!

Ларок присел возле тела и осмотрел железный обруч.

— Такие ставили на меня перед перевозкой, когда подменили на двойника — сказал Ларок.

— Что делает?

— Блокирует родовую магию и не позволяет пройти через обычный портал без разрешения хозяина.

— А он прошёл.

— Значит, вышел через чёрный вход.

Я посмотрел на ключ, который только вчера передал мне двухсотлетний император Август. Совпадения бывают. Но обычно их организует человек, который потом первым говорит, что всё произошло случайно.

— Тело перенести в погреб, — сказал я. — Обручи не снимать. Одежду, обувь, содержимое карманов — всё отдельно описать. Пан Жорка, никто не подходит без меня и Черка.

— А лекарь?

— Пусть осмотрит на месте.

— Я уже осмотрел, — возмутился Рулон.

— Вы сказали, что он мёртв.

— Он и есть мёртв.

— Это может определить и Фискал по запаху. Мне нужны причина ранения, время, следы портала, магия на обручах и всё, что было в желудке.

Лекарь Рурон поджал губы.

— Я не судебный исследователь и не волшебник.

— Теперь будете.

— На каком основании?

Я приказал Черку подготовить распоряжение. Черк вытащил из сумки бумаги и начал быстро оформлять назначение, поставил имперскую печать и подпись, лист протянул мне, я расписался.

Очень удобно иметь должность второй день. Ещё не знаешь всех полномочий, зато окружающие тоже не знают и спорить боятся.

Лекарь вздохнул.

— Понадобится помощник.

Вот и первое поручение полезному врагу-союзнику.

— Берите Ларока.

Тот попытался возразить, мол, не дело аристократа проводить вскрытие, но я сказал, что я глава рода и что он мне обязал, и Ларок заткнулся. Пусть капается в кишках!

Салли подошла ближе.

— А мне что делать?

Бьянка сразу ответила:

— Ехать домой.

— Я могу вспомнить разговоры отца о тюрьме.

— Тогда вспоминай и поезжай.

— Бьянка! — сказал я.

— Что?

— Хватит!

Она посмотрела на меня так, будто я выбрал не ту сторону в семейном споре. Сейчас Салли действительно могла помочь. Вен обсуждал Нулевой ранг при ней, а женщины замечают намного больше, чем мужчины.

Я передал кровавый лист Черку.

Гном взял двумя пальцами, поморщился и начал изучать. Перевернул и замер.

— Что?

Черк ничего не ответил. Поднёс бумагу ближе к глазам, поправил очки и провёл ногтем по регистрационной отметке. Лицо побледнело.

— Черк?

— Вчерашняя дата, — сказал он.

— Это я и так видел без тебя.

— Регистрационный номер семьсот сорок седьмой.

— И?

— Семёрки.

Я посмотрел. Обычные цифры. По крайней мере для меня.

Черк показал на первую.

Через неё проходили две маленькие перекладки.

— Так пишет мой брат Трик, — сказал гном, — я тебе

про это уже говорил.

— Припоминаю...

— Кроме того, вот здесь внутренний завиток идёт в обратную сторону, а последняя точка поставлена до росчерка, а не после. Брат делал так всегда, когда регистрировал секретные бумаги.

Черк поднял на меня глаза.

В них были страх, злость и такая надежда, что лучше не смотреть. Надежда вообще самая опасная вещь. Страх заставляет убегать, злость — драться, а надежда ведёт человека туда, куда он в здравом уме никогда бы не пошёл.

— Это почерк моего брата, — сказал Черк. — Трик вчера зарегистрировал этот лист в Нулевом ранге.

Ну что же, новый день в Империи начался, как обычно, чудесно.

Я махнул рукой, развернулся, и пошёл назад в дом за камзолom, поправляя неудобный стоящий воротник сорочки...

Глава 2. Кабинет особого ревизора

В Канцелярию я отправился сразу после завтрака, если можно назвать завтраком два холодных пирожка, кусок сыра и кружку ромашкового чая, который Бьянка поставила передо мной с таким лицом, что возражения не принимались. Я отхлебнул и сказал:

— Не люблю ромашковый чай!

— Теперь будешь пить каждый день, — ответила Бьянка, скрестив руки, зажав между ними две маленькие аккуратные грудки.

Салли к этому времени уехала, хотя перед отъездом ещё минут десять стояла возле кареты, поправляла перчатки, спрашивала у меня, когда я вернусь из города, и утверждала, что ей необходимо лично сообщить мне всё, что она вспомнит о разговорах Вена и её отца про Нулевой ранг. Бьянка всё это время находилась невдалеке рядом с Фискалом, и из её аккуратного рта доносились такие слова, как «Приехала тут, королевишна» и другие, не очень приятные.

Ларок уже всюду трудился в погребке вместе с лекарем Рулоном, они капались в кишках и желудке покойника, который умер второй раз. Рулон сначала долго возмущался, что не собирается вскрывать человека рядом с бочками капусты и солёными огурцами, но пан Жорка объяснил, что другого холодного помещения в доме нет, а если лекарь захочет по-

кушать, то он может тут же воспользоваться угощениями.

Чёрный ключ лежал у меня во внутреннем кармане, завёрнутый в платок. Нагреваться он перестал, но я всё равно каждые несколько минут касался груди, проверяя, не начинает ли камзол дымиться. Обрывок реестра Черк поместил между двумя стеклянными пластинами, обмотал золотым шнурком, опечатал и всю дорогу в Канцелярию держал на коленях.

Сам гном сидел напротив меня в новой карете де Гри, доставшейся из имущества фон Браунов, и молчал, что для Черка было совсем ненормально.

В другой ситуации он еще до городских ворот уж наверняка рассказал, что кучер неправильно держит поводья, колёса требуется смазать, лошади получают слишком много овса, а я оформил путевой лист без номера. Сейчас он только смотрел на регистрационную отметку Трика и иногда поправлял очки, хотя те не сползали.

— Брат жив, это главное — сказал я.

Черк поднял глаза.

— Я и до этого знал.

— Тогда чего такой насупившийся?

— Трик зарегистрировал документ вчера в Нулевом ранге, значит, он находится там.

— Или был вчера, а пото уехал.

— Ты специально говоришь всё самое неприятное?

— Это помогает не погружаться в лишние надежды. Тогда

разочарование будет не таким большим.

Черк снова посмотрел на лист.

— Он мог помочь Демиру сбежать, а значит, сделал хорошее дело. Но почему тогда не ушёл сам?

— Может, боялся, что из-за него могут пострадать другие заключённые.

— Или и не собирался, — тихо сказал гном.

Судя по документам Альберта, Трик добровольно начал работать с теми, кто инсценировал его смерть. Потом участвовал в подмене тюремной охраны, оформлял секретные приказы и даже помогал перевозить душу и тело Ларока. Но могло быть и так, что брата Черка держали силой и с помощью запугивания. Возможно, он решил, что работа на заговорщиков выгоднее честной службы в Канцелярии. И поэтому согласился добровольно-принудительно.

Люди, гномы и эльфы редко становятся мерзавцами внезапно. Обычно начинают с небольшой услуги, которую легко оправдать. Подправил дату, потерял лист, провёл нужный платёж или закрыл глаза на чужое преступление. Потом появляется второй документ, третий, а через год человек, гном или эльф уже помогает похищать души и всё ещё считает, что просто выполняет работу, чтобы не умереть с голоду.

Я хорошо это знал, потому что сам был таким в Москве и сам начинал примерно так же.

Помню, как меня долго уговаривал клиент передать конверт судьё. Я дико стеснялся, но выбора не было — иначе

закроют. Клиент сам договорился, всё было на мази, а мне нужно было просто дать взятку — и не самому, а через курьера. Как же я в тот день потел, сколько воды выпил! Но прошёл год, и я привык, я понял, что все вокруг дают и берут и глупо оставаться единственным честным дураком. А дальше уже не замечаешь, в какой момент адвокат превращается в посредника между преступником и государством.

Август лично сказал, что мне положен отдельный кабинет на четвёртом этаже с два большими окнами, архивным заколдованным шкафом и переговорной. Я совсем немного работал за столом, рассчитанном на гнома, и мне хватило, поэтому я ждал просторный кабинет с большим столом.

Теперь я был Особым ревизором Канцелярии Его Императорского Величества, а не младшим клерком без ранга. Одиннадцатый аристократический ранг, собственное поместье, доля имущества фон Браунов, помощник, право проверять знать. При такой должности кабинет должен соответствовать. Ещё бы какую-нибудь эльфийку-секретаршу нанять с пятым размером груди и короткой юбкой. А почему и нет? Могу себе позволить!

Зинка просила, чтобы я не нанимал секретарш и помощников моложе пятидесяти.

— Жалованье уже посчитали? — спросил я.

Черк вытащил из сумки указ.

— Основной оклад особого ревизора — тысяча золотых в месяц.

— Неплохо.

— Представительские расходы отдельно при наличии подтверждающих документов.

— Подтверждающие документы уничтожают весь смысл представительских расходов.

— А секретарь положен?

— Положен главный писарь, то есть я. И не забудь про надбавку за счёт рода де Гри, 14% от 700 золотых.

— Да уже решено, хватит напоминать. Сделай документ о назначении секретаря-эльфийки молодой и непременно с пятым размером груди.

Черк нахмурился.

— Зачем?

— Кто-то должен переписывать бумаги.

— А я на что?

— Принимать посетителей.

— А я на что?

— Готовить чай. И там в документе подчеркни, что секретарю запрещено готовить ромашковый чай. Кофе есть?

— Кофе? А что это такое?

— Не важно. Надо будет наколдовать.

— Я посчитал в умен, что 14% от 700 золотых, это 98.

— Выплатим, ты главное секретаря оформи.

Канцелярия в этот день была почему-то забита народом. У главного входа стояли просители, курьеры, чиновники с папками, аристократы, которые делали вид, что пришли слу-

чайно, и три гнома с тележкой, нагруженной регистрационными книгами. Все хотели пройти, но двери были закрыты — не положено.

На входе вместо макетов рыцарей стояли на этот раз настоящие. Я показал новый знак Особого ревизора охране.

Стражник сухо сказал:

— Не положено!

— Что значит не положено! Живо пропустить! Именем Императора! Я Особый ревизор Канцелярии Его Императорского Величества!

— Мне нужно вызвать старшего.

— Вызывай.

Старший пришёл минут через двадцать. Толстый мужчина с красным носом. Он прочитал указ, проверил печать, поднёс к свету и наконец разрешил войти.

— Процедура! — сказал он, — Меня, кстати, звать Красноносик. Ваш пропуск будет временным.

— Что это ещё за новости?

— Постоянную форму не утвердили. Цвет карточки, размер, номер подразделения, знак доступа, — с солидностью проговорил Красноносик.

— Должность уже есть, — сказал Черк.

— А формы нет.

Вот она, родная государственная служба. Можно получить указ Императора, право арестовывать счета и входить в поместья, но без карточки правильного цвета всё равно ты

стоишь у проходной и какой-то охранник дышит на тебя перегаром.

Черк вмешался:

— Временный пропуск оформляется по приложению четыре к положению о чрезвычайных службах.

— Всё верно! Откуда знаете?

— Я старший писарь.

— Теперь главный писарь Особого ревизора, — поправил я.

Черк на выпрямился.

— Служу Империи!

Через двадцать минут нам выдали две серые карточки без номера, на которых от руки было написано: «Временно допущен по личному указу Его Величества Императора Августа». Мою карточку украсили золотой печатью. Черку поставили синюю. Черк был недоволен этим фактом, но промолчал.

Красноносик проводил нас на четвёртый этаж, там располагались отделы проверки высших родов, императорских поручений, особых архивов и несколько дверей вообще без надписей. Чиновники в дорогих камзолах важно ходили по коридорам, делая вид, что идут по важному делу. Я же знал по поведению московских коллег, что нифига не по важному.

Мы дошли до конца коридора и Красноносик отворил низкую железную дверь, на которой висела изъеденная ржав-

чиной табличка:

«Хранилище конфискованных погребальных принадлежностей».

Под ней свежей краской было дописано:

«Кабинет Особого ревизора».

— Это шутка?

Черк сравнил номер двери с распоряжением.

— Номер совпадает.

Мы прошли внутрь.

— Император сказал, кабинет с двумя окнами, — проговорил я, — а здесь два вентиляционных отверстия.

— Юридически это окна, в описи они считаются окнами.

— А переговорная? — спросил я.

Черк открыл маленькую дверь в углу. Это был чулан, в котором стояли гробы.

— Двенадцать гробов, — сказал Красноносик, — всё по описи.

Гробы стояли на попа, лёжа бы не поместились. Вдоль стен стояли крышки, венки, с потолка свисали ритуальные цепи, прямо на полу стояли урны, к робам были прислонены несколько складных носилок.

Я вышел из чулала и обратил внимание на столы под отверстиями-окнами. Это были два гномьих стола, к которым были приставлены наши старые кресла — большое Черка и маленькое моё.

На столах стояли две пустые чернильницы, рядом лежали

ЛИСТЫ:

«Чернила приобретаются служащим самостоятельно».

Я сразу понял, что за большим креслом лучше сидеть Черку. Так он будет доставать до столешницы. А вот мне лучше сесть в своё старое маленькое, чтобы стол не парил в воздухе на моих ногах.

На стене висел плакат:

«Имущество, временно размещённое в помещении подлежит сохранению до завершения процедуры конфискации».

— Гробы не убирать, — сказал Красноносик, видя, что я прочитал плакат

— Сколько длится процедура?

— Судя по датам на ярлыках, некоторые стоят здесь восемь лет, — сказал Красноносик. Но мы оформим бумаги и ускоримся. Тут главное не напортачить, а то потом вся Канцелярия будет на ушах стоять.

В дверь заглянул пожилой служащий.

— Вы новые?

— Особый ревизор.

— А. Столы получили?

— Получил.

— Кресла?

— Тоже.

— Чернила покупаете сами. Отопление у вас отключено,

гробы от сухости рассыхаются.

— А люди от холода заболевают.

— Людей раньше здесь не было.

И ушёл.

Я сказал Черку:

— Пиши жалобу Императору на Императора. Он обещал другой кабинет.

Черк достал перо.

— Чернил нет.

— Господа, ну какие жалобы! Куда вы торопитесь! Первый день на новой должности, а уже кляузы собираетесь писать, — поспешил вмешаться Красноносик, — Император обещал вам именно этот кабинет, судите сами, переговорная есть, есть два окна, есть два стола, два кресла.

— А архивный шкаф? — спросил я.

— Один из гробов каменный, раньше в нём лежал вампир, он и сейчас там лежит, скованный магией, поэтому по документам шкаф проходит как магический. Можете хранить в нём важные документы. Они будут под надёжной защитой и магии, и вампира. Это даже лучше, чем обещано! Император Август щедр как никогда!

Я дал Черку золотой и послал в лавку за чернилами. Конечно, у гнома в его несессере чернила были, но ими не стал пользоваться из принципа. Прежде чем уйти, гном подготовил расписку в получении денег. По его словам, потом эти деньги вернёт казна как служебные расходы, но нужно было

всё правильно оформить.

Кабинет сначала мне не понравился. Но потом я нашёл плюсы: никто не захочет здесь находиться. Значит, разговоры можно вести спокойно, просителей не будет, а документы сможем прятать в гробы.

Пока Черк ходил в лавку, я рассматривал гробы. Здесь были и детский гробик с маленькими ангелами на крышке... Большой каменный гроб, который единственный лежал как положено на двух пеньках, я открывать не решился.

— Складывай документы в детский гроб пока. Я его развернул, другие тут в лежачем положении не станут.

Черк отказался складывать туда документы. Но я его уговорил, что это лучше, чем лезть к вампиру.

В кабинет вошла женщина из кадровой палаты, по виду пенсионерка, на носу очки с цепочкой. Она принесла два свитка.

— Курт де Гри?

— Да.

— Распишитесь в назначении.

Я расписался.

— Черк си Трум?

Гном вытянулся.

— Вы назначаетесь главным писарем Особого ревизора Канцелярии Его Императорского Величества.

Черк расплылся в улыбке.

— Жалованье, как и договаривались?

— Старый оклад плюс двенадцать процентов надбавки.
Улыбка слетела с лица гнома.

— Договаривались на тройной оклад и на четырнадцать процентов.

— В распоряжении двенадцать. Хотя деньги за счёт де Гри, но в распоряжении двенадцать. Так что оформила двенадцать.

— Император говорил...

— Письменно двенадцать.

Черк посмотрел на меня.

— Вы обещали тройной оклад, бог с этими процентами, это решаемо. Я присутствовал при переговорах.

Женщина протянула ему второй свиток.

— Ознакомьтесь с обязанностями.

Черк читал быстро. Сначала довольно. На середине лицо вытянулось.

— Что значит «несёт личную имущественную ответственность за регистрацию незаконных распоряжений ревизора»?

— То и значит.

— Какую ответственность?

— Возмещение ущерба из жалованья, накоплений и личного имущества.

— Моего?

— Вашего.

— Но распоряжения отдаёт он!

Женщина посмотрела на меня.

— Ревизор обладает особым иммунитетом при исполнении личных поручений Императора. Документальную ответственность несёт главный писарь, подтвердивший законность формы.

Черк медленно повернулся ко мне. Радость от назначения закончилась.

— Я отказываюсь.

— Назначение уже зарегистрировано, — сказала кадровичка.

— Отмените.

— Подавайте заявление.

— Кому?

— Особому ревизору.

Я улыбнулся.

— Рассмотрю в течение тридцати дней.

Черк схватился за голову.

— Курт!

— Может, раньше. Сделаю надбавку до тройного жалования за счёт де Гри.

Женщина из кадровой палаты ушла, оставив нас разбираться.

— Это ловушка, — сказал гном.

— Это государственная служба.

Я придвинул к себе свиток с полномочиями. И настроение сразу улучшилось. Особый ревизор имел право начинать предварительную проверку любого аристократа десято-

го ранга и выше, если имелись сведения о нарушениях, связанных с государственной безопасностью, родовыми финансами, магическими артефактами или деятельностью Совета.

Мог требовать документы у всех палат, кроме личного архива Императора.

Мог накладывать временную блокировку на счета, порталы и родовые артефакты сроком до трёх суток без решения суда.

Мог входить в поместья при угрозе уничтожения доказательств.

Мог вызывать чиновников, требовать объяснения, проводить опись и назначать экспертов.

Мог обращаться напрямую к Императорскому прокурору и самому Августу.

Прекрасные полномочия! На Земле за такие люди платили сотни миллионов, а здесь мне выдали бесплатно вместе с комнатой, полной гробов.

Я положил ладонь на указ, дар сработал.

«Личный указ Императора».

«Полномочия действительны».

«Назначение зарегистрировано».

Эти надписи исчезли и появилась новая, жирнее и ярче:

«Должность создана в обход установленного порядка формирования государственной службы».

«Отсутствует решение Совета о введении нового органа».

«Не определён источник постоянного финансирования».

«Не установлена процедура обжалования действий Особого ревизора».

«Полномочия превышают пределы обычной административной должности».

Черк заметил выражение лица. Я ему как можно мягче объяснил, что должность незаконная, словами:

— Мы попали, наша служба и опасна, и трудна. Наши должности — филькины.

Гном побледнел и схватился за сердце.

— Указ Августа вроде как действует, но Император умудрился создать ревизора в обход обычного порядка и законов Империи.

— Тогда наши распоряжения могут отменить и взыскать ущерб.

— С тебя взыщут, да.

— Почему ты так спокойно говоришь?

— Потому что с меня взятки гладки.

Черк вцепился в свиток и начал читать мелкий текст.

— Здесь должно быть основание чрезвычайной необходимости. Но решения Совета нет, согласование Казначейства нет... — запричитал гном.

— Тогда откуда жалованье? — спросил я.

— Не понятно. Возможно, из конфискованного имущества Вена.

Гном сел на маленький стул и уставился в плакат с надписью *«Имущество, временно размещённое в помещении подлежит сохранению до завершения процедуры конфискации»*.

— Я хотел найти брата, а теперь могу потерять дом.

— У тебя есть дом?

— Комната в общежитии Канцелярии.

— Её не жалко.

— Мне жалко!

— Тогда будем отдавать законные распоряжения.

Первым делом мы зарегистрировали дело Демира си Вальда.

Черк потребовал сначала придумать название.

— «По факту повторной смерти официально умершего лица», — предложил я.

— Нельзя повторять «смерть» и «умершего» в одном названии.

— «Дело воскресшего покойника».

— Неофициально.

— «Проверка обстоятельств продолжения государственной деятельности лиц после регистрации смерти».

— Уже лучше.

— Записывай.

Гном записал, поставил номер и отдельно отметил, что регистрация проведена по моему устному распоряжению, законность которого главный писарь не подтверждает до полу-

чения дополнительных документов.

— Это зачем?

— Защищаю своё имущество.

Обрывок реестра под стеклом Черк положили на свой стол, достал увеличительное стекло и начал переписывать сохранившиеся строки.

Кроме четырёх объектов на листе имелись части регистрационных номеров, даты и несколько столбцов, заголовки которых были оторваны.

— Что может означать знак возле имени? — спросил я.

— Здесь нет имён.

— Возле номеров.

— Похоже на отметку выплаты.

— Тюремным заключённым платят жалованье?

— Возможно, это стоимость содержания.

— Тогда почему рядом налоговый код?, — спросил я, узнав о кодах с помощью дара.

Черк присмотрелся.

Возле объекта 041 стоял знак подоходного налога.

Возле 063 — сбор с государственной службы.

Возле 071 — удержание за служебное жильё.

— Не понимаю, — сказал он.

Я достал из секретного архива, то есть детского гроба, чистый лист и начал рисовать таблицу.

— Демир официально умер семь лет назад.

— Да.

— Работал в Северной счётной палате.

— Требуется уточнение. Работал до смерти, ведь покойник не может работать.

— В Империи покойники могут подписывать приказы, сидеть в суде и платить налоги. Почему не получать жалованье?

Черк снова изучил отметки.

— Если налоговый код настоящий, записи должны проходить через Казначейство.

— Истребуем реестр умерших налогоплательщиков.

— Такого нет.

— Тогда список выплат людям, чьи свидетельства о смерти зарегистрированы раньше начисления.

Гном задумался.

— Это можно сопоставить.

— Вот и сопоставь.

— Нужен доступ к налоговому архиву.

Я показал полномочия.

— Требуй.

Черк достал официальный бланк, но остановился перед подписью.

— Если запрос незаконный, отвечаю я.

— Запрос законный.

— Докажи.

— Особый ревизор вправе требовать финансовые сведения по делам аристократов и чиновников, связанным с государственной безопасностью.

— Формулировка слабая.

— Добавь подозрение в финансировании незаконной тюрьмы.

— Откуда?

— Сведения от чёрного ключа.

— Это не финансовое доказательство.

— Тогда подозрение в выплатах лицам, официально признанным умершими.

Черк переписал запрос три раза. В первом варианте слишком прямо говорилось про покойников, во втором Казначейство могло ответить, что сведений нет, в третьем мы потребовали:

«Предоставить перечень всех выплат государственного жалованья, компенсаций, пенсий, пособий и иных денежных начислений лицам, чья смерть зарегистрирована до даты соответствующей выплаты».

— Они пришлют тысячи документов, — сказал Черк.

— Значит, будет чем заняться.

— Мне?

— А кому? Ты главный писарь.

По выражению было видно, что гном снова пожалел о назначении.

— Ничего, вот наймём секретутку-эльфику с пятым размером груди, будет легче! И чтобы ноги от ушей росли!

Запрос отправили через внутреннюю трубу. Я ожидал, что ответ придётся ждать несколько дней, но новая должность

действовала. Через час из трубы вывалился толстый свиток и записка:

«Предоставлено в срочном порядке. Ответственность за использование сведений возлагается на запрашивающее лицо».

Черк прочитал последнюю фразу и побледнел. Но затем повеселел, обдумав:

— Запрос твой.

— Документ отправил главный писарь, — парировал я.

Список оказался большим. Умершим продолжали начислять пенсии ещё месяц после смерти, иногда два, иногда три... если родственники поздно подавали документы. Обычная бюрократия. Несколько человек получали жалованье годами...

Потом появились странные записи.

Демир си Вальд. Официально умер семь лет назад. Но после смерти ещё пять лет получал жалованье консультанта Северной счётной палаты. Выплаты шли на закрытый счёт с пометкой «особое государственное использование». Налоги удерживались исправно.

— Даже тайная тюрьма платит налоги, — сказал я.

— Казначейство везде найдёт.

Рядом с Демиром судья, погибший при пожаре, маг, казнённый за измену, аристократка, утонувшая в Небесных ваннах, два чиновника, пропавшие в горах, в которых обитают драконы.

Все эти люди, гномы и эльфы после смерти продолжали получать деньги, подписывать распоряжения или числиться консультантами закрытых ведомств. Мы запросили реестр служебных подписей. Пришёл второй свиток.

Покойники не только получали жалованье, но и личными подписями утверждали переводы, назначали проверки, выдавали разрешения на порталы и регистрировали секретные приказы.

— Вот подпись Трика, — сказал Черк.

На одном распоряжении о стояла его регистрационная отметка и подпись. Документ датирован месяцем ранее.

— Он работает писарем Нулевого ранга, — сказал я.

— Или его заставляют.

— Или нравится.

Черк промолчал.

Я продолжил просматривать список. Система выглядела продуманной. Человека, гнома или эльфа официально объявляли мёртвым, имущество переходило наследникам или государству, долги закрывались, родовые права исчезали. Но внутри тайной службы он продолжал существовать под старым именем, получать жалованье и подписывать документы.

Если приказ всплывёт, всегда можно сказать, что подпись поддельная: человек умер много лет назад.

— Сколько их таких мёртвых душ? — спросил я.

Черк считал.

— По совпавшим выплатам двести восемь.

— Все аристократы?

— Практически, редко кто имел ниже девятого ранга.

Партнёр наверняка заинтересовался бы. Правда, сначала нужно доказать вину, а не просто факт существования после смерти. Иначе невиновные души запишутся на мою совесть, чего я не хотел. Моя совесть была бессовестной и накалывать на неё новые грехи я не хотел.

— Проверь, кто из них связан с делом моего отца Альберта, — сказал я.

— Как?

— По датам, платежам, приказам, счетам.

— Это займёт неделю.

— Начинать немедленно! И найми эльфийку!

Я подошёл к вентиляционному отверстию, которое Канцелярия считала окном, и попытался посмотреть наружу. Видна была только стена соседнего крыла и маленький кусок неба.

Черк вдруг перестал шуршать бумагами.

— Курт, иди сюда.

Голос был нехороший.

Гном держал лист выплат. Пальцем указывал на строку в середине.

«Альберт де Гри, казнён за государственную измену».

Дата смерти совпадала с днём казни двойника.

Ниже шли выплаты.

«Старший консультант особой службы».

Жалование начислялось каждый месяц, последняя выплата прошла три дня назад, подоходный налог удержан.

Подпись о получении заверена закрытым реестром Нулевого ранга.

Получается, отец официально продолжал работать на государство через Нулевой ранг, которое публично объявило его предателем и казнило.

Я положил ладонь на лист.

Дар вспыхнул.

«Незаконное сокрытие действующего государственно-го служащего под статусом умершего».

Ниже появилась ещё одна надпись:

«Текущий распорядитель выплат: Альберт де Гри».

Отец сам подтверждал платежи другим покойникам. Среди действующих мертвецов Альберт де Гри числился не только заключённым, но и их начальником.

Глава 3. Один из ста и ещё один

Я проснулся от ощущения, что падаю с кровати и услышал знакомые щёлканья пальцами, через секунду я стоял босыми ногами на холодном каменном полу тёмной залы.

В первый раз эта зала казалась бесконечной и даже немного показушной, будто сам Дьявол вызвал дорогого декоратора и велел тому сделать не только страшно, но и богато: чтобы посетитель сразу понимал, куда попал. Высоченные колонны растворялись в темноте, тяжёлые бордовые портьеры спадали как водопады, свечи висели в воздухе, а в тридцати шагах от меня сверкал золотой трон, а на нём восседал Партнёр в тёмном костюме-тройке, с алым галстуком и алым платком-паше, на ногах лоферы, носки в цвет галстука и платка. Всё осталось на своих местах, но великолепие почему-то начало расползаться. И даже Партнёр выглядел как-то странно, словно между ним и мной была дымка.

По мраморному полу, гладкому, как зеркало, шла едва заметная трещинка, я её ощущал левой ступнёй. Из-за портьер доносились отдалённые голоса, как из радио, которое плохо поймало волну.

Я различил мужской бас, потом женщина, голос которой мне напомнил голос моей жены Нины, что-то сказала и заплакала, всхлипывая, назвала моё имя — Иван.

— Даже не думайте туда лезть, Иван Сергеевич, — нако-

нец, заговорил Партнёр, видя, как я повернул голову к портьеру и прислушался

Молодой, красивый, ухоженный, красные глаза светятся, на голове два небольших бардовых рога, будто их покрыли лаком в цвет галстука. Только улыбался Дьявол он не так широко, как обычно.

Я подошёл ближе и увидел ещё одну интересную деталь. Золотой трон покрылся мелкой паутинкой, как будто плохой фарфор не выдержал обжига в печи.

— Я смотрю, у вас управляющая компания плохо работает, — сказал я. — А деньги за содержание наверняка собирают исправно. Надо менять.

— Забавно, Иван Сергеевич. Человек видит вещи, существовавшие до рождения его мира, и первое, что приходит ему в голову, — пожаловаться на содержание помещения. В вас определённо есть что-то от настоящего чиновника.

— Я теперь государственный служащий. Особый ревизор Его Императорского Величества.

— Август велел выдать вам кабинет без окон и маленькие столы поставить, а вы критикуете мой зал, в котором кто только не были. Между прочим, Иисус стоял без семи лет две тысячи лет назад на том месте, на котором стоите вы, и не жаловался. А вы жалуетесь.

— И что тут Иисус делал?

— Иван Сергеевич, или забываете, с кем разговариваете. Или просто дурак. В то, что вы надо мной издеваетесь, я ни

в жизнь не поверю.

— Тогда вы наверняка знаете, зачем я здесь.

— Потому что я вас позвал.

Я хохотнул.

Партнёр медленно поднял правую руку, и над ступенями под тронем появился золотая надпись.

Цифры собрались из маленьких искр:

$$1/100 + 1$$

— Я вас позвал, потому что счётчик казнённых давно не менялся. А время не терпит.

Хм. С последней встречи, которая состоялась сразу после казни моего заклятого врага Вена фон Брауна (да, враг был заклятым меньше двух недель, но всё же), ничего не изменилось.

— А Вен фон Браун, длинный ублюдок, почему до сих пор не засчитан? — Я ткнул пальцем в счётчик, — Здесь должно быть два из ста и плюс один. Первый — Эдвард си Лорн. Второй — Вен фон Браун. Или у Дьявола другая арифметика?

Партнёр сложил домиком руки на груди и некоторое время молча смотрел на меня.

— Вы помните условия договора?

— Лучше вас, судя по счёту. Я отправляю на эшафот по закону сто аристократов и Императора, а вы отправляете меня назад в моё тело за десять секунд до того, как бревно врежется в лобовое лицо моего внедорожника.

— Во-первых, Иван Сергеевич, я рад, что вы перестали мне тыкать. Во-вторых, чтобы не попадать в лапы к Дьяволу, нужно вовремя менять летнюю резину на зимнюю, чего вы не сделали. А в-третьих, прежде чем подписывать, я бы вам советовал внимательно читать условия договора, но вы про это знаете не хуже меня.

— Мы договаривались, что я буду отправлять на эшафот по суду аристократов рангом не ниже десятого. Вен подходил с запасом и к тому же был членом Совета. Вам бы его засчитать как за десятерых, а вы даже за одного не засчитали. Где справедливость. Договор нарушен вами!

— Не нарушен!

— Виновность доказана?

— Несомненно.

— Суд законный?

— После некоторого вмешательства с вашей стороны стал законным.

— Приговор?

— Законный.

— Казнь?

— Палач даже не был пьян. Для этой Империи редкое достижение, — партнёр улыбнулся, — но вы всё ещё рассуждаете адвокат с Земли. Если подписано, зарегистрировано, вступило в силу — значит, обязательство исполнено. Очень человеческая привычка: считать бумагу важнее того, что происходит после неё.

— Извините! В договоре не написано, что после казни я обязан взять душу под охрану, положить в банку и лично принести вам с описью вложения. Я должен добиться законного приговора и казни. Вен осуждён и казнён. Я свою часть выполнил.

Партнёр некоторое время молчал.

За портьерой снова кто-то заговорил. Голоса стали ближе, будто подошли к самой ткани. Партнёр слегка повернул голову в ту сторону, и всё стихло.

— Формулировка действительно оставляет пространство для толкования, — сказал он наконец. — Вы правы в одном: договор не возлагает на вас обязанности обеспечивать посмертную доставку души.

— Именно, — воскликнул я.

— Не торопитесь радоваться. Вы, юристы, очень любите ухватить половину фразы и объявить заседание законченным. Договор заключён не ради ваших ста судебных побед, Иван Сергеевич. Мне нужны души. А души нет.

— А это уже ваши мотивы. Я свои обязательства исполняю по тексту.

— И именно поэтому мы с вами всё ещё разговариваем, а не выясняем отношения иначе, — в глазах Партнёра сверкнули искры и мне стало не по себе.

— Так что произошло с Венom? — спросил я уже спокойнее.

Партнёр поднялся с трона. С подлокотника отвалился ма-

ленький золотой кусочек. Он упал на каменную ступеньку, несколько раз подпрыгнул и остановился возле лакированного ботинка.

Партнёр наклонился, поднял камешек, сжал кулак, разжал пальцы, и золото превратилось в чёрную пыль.

— Душу Вена забрали прежде, чем она дошла туда, куда должна была попасть, — сказал он. — Смерть произошла правильно. Связь с телом оборвалась. Но переход ко мне не завершился.

— Кто забрал душу Вена?

— Если бы я мог ответить вам одним именем, Иван Сергеевич, этой встречи, вероятно, не было бы.

— Вы хотите сказать, что кто-то украл душу прямо из-под руки Дьявола?

Партнёр посмотрел на меня с лёгким сожалением.

— Вы всё пытаетесь представить устройство мира так, будто существует большая небесная канцелярия: здесь Бог, там Дьявол. Люди вообще любят придумывать простые схемы для вещей, которые не способны понять. Рай, Ад, ангелы и демоны: всё до невозможности просто. Узки ворота, в которые входят немногие... И далее по тексту.

Передо мной стояло существо, которое, возможно, видело начало моей цивилизации, знало, как появилась жизнь на Земле, возможно, знал первого человека, догадавшегося посмотреть на небо и представить там Бога.

Партнёр спустился ещё на одну ступень, сделал пасс ру-

кой, и пальцах, как у искусного поиска, появилась большая золотая монета.

— Душа, Иван Сергеевич, не монета, которую просто положить в карман. Пока человек жив, она связана с телом, именем, памятью и его местом в том или ином мире. После смерти эти связи разрываются, но не сразу. Большинство людей ничего не замечает, потому что переход довольно быстр. Но есть... назовём их существами... существа, которые умеют вмешиваться между началом и концом разрыва, чтобы изменить направление отправки души. С душой Вена фон Брауна сделали как раз это. И он попал в место, доступ к которому даже для меня закрыт.

Я переспросить хотел, но остановился. Сам Дьявол не мог получить то, что хотел!

— Вы не можете туда войти?

— Не могу. Ведь душа не принадлежит ни мне, ни человеку.

— Значит, душа Вена сейчас на территории другой юрисдикции.

Партнёр улыбнулся.

— Именно так и считайте. Существуют границы полномочий. И сейчас одна из договорных душ оказалась за границей моих.

В затылке качнуло.

Я уже научился не крутить головой сразу и не выдавать себя. Смотрел на Партнёра, а над его плечом постепенно про-

ступали золотые буквы.

«Утрата исключительного права на получение договорных душ».

Я чуть не присвистнул. Дар показывал нарушение права самого Партнёра на договорные души. Выходило, что появился кто-то, способный вмешиваться в наши сделки.

— Ваше лицо сейчас стало особенно неприятным, Иван Сергеевич. Обычно так выглядят адвокаты, которые нашли в договоре пункт, незамеченный второй стороной.

— Просто думаю.

— Вы редко просто думаете. Обычно одновременно ищите, кому бы выставить счёт.

Я ничего не сказал. А надпись, как назло, продолжала светиться. Я не знал, куда деть глаза. И посмотрел на лоферы партнёра. я.

— Так где находится душа Вена? — спросил я. — Хоть название у этого места есть?

— Ваша задача это выяснить. И помните, пока душа Вена фон Брауна не окажется в моих ла... моих руках, я не остановлю счётчик: без его души, наш договор выполнен не будет. Это дело принципа, Иван Сергеевич. Репутация Дьявола на кону как-никак! И, Иван Сергеевич... Дам вам подсказку... Душу Курта, в теле которого вы находитесь, перехватили те же сущности, что и душу Вена...

Я проснулся весь в поту, обеими руками вцепившись в одеяло. Во рту пересохло. Дико хотелось пить и, конечно, отлить.

За окном было ещё темно. Я сел на кровати и некоторое время смотрел на свои руки, вернее, руки Курта.

Раньше настоящий хозяин тела меня волновал примерно так же, как прежний собственник квартиры после регистрации сделки. Есть где-то человек, был владельцем, потом право перешло ко мне. Всё оформлено. Сделка состоялась. Я, счастливый обладатель тела, пользуюсь всеми его благами. Теперь же, после напоминания Партнёра, я осознавал, что эту квартиру я только снимаю, она не моя, и её хозяин в любой момент может вернуться и обнулить договор...

Я встал, сходил в уборную, выпил воды прямо из кувшина, оделся и тихо вышел, у ворот, которых не было, встретил пана Жорку, который косил траву, он узнав о том, что я спешу на работу, сунул мне в руку кулёк с завтраком. Я поблагодарил и пошёл пешком в Канцелярию. Было прохладно, но я шёл быстро, и поэтому согрелся. Здание охраняли доспехи без рыцарей, я быстро поднялся по длинной лестнице, словно робот, силы переполняли меня, и прошмыгнул мимо «чучел». На четвёртый этаж поднялся скоро, попил воды из фонтанчика, прошёл до конца коридора, и открыл дверь с табличкой:

«Хранилище конфискованных погребальных принадлежностей».

«Кабинет Особого ревизора».

Я нисколько не удивился, увидев Черка сидящим за столом и работающего с документами. Судя по всему, домой он вообще не ходил.

— Ты ночевал здесь? — спросил я.

— Работал.

Из подсобки донёсся скрежет и вой.

— Что там происходит? — спросил я.

— Вампир кочевряжится. Его, кстати, Дракул зовут.

— Интересное имя. Что-то мне напоминает. Надеюсь, он не кусается?

— Он скован в гробу магией. Главное, ночью не совать под крышку руки.

— Нда, его бы переселить... куда подальше.

— Нельзя! Не положено! Имущество конфисковано.

Я положил на стол пакет с завтраком, который сунул мне пан Жорка.

— Ешь.

— Не хочу.

— Это приказ Особого ревизора.

— Покажи норму, по которой ревизор может заставить главного писаря есть.

Я высыпал из бумажного кулька пирожки на стол, взял один и начал жевать.

— С малиной. Матушка готовила вчера. Вкуснота.

Гном как бы нехотя взял пирожок, откусил, и с достоин-

ством провёл дикугстацию. Пока жевал, он жестом показал мне на бумагу. Я взял и начал читать.

— Ничего не понял!

— Это выплаты Трику за последние три года из Нулевого ранга. Тут не только основной оклад, но и премии, надбавки за секретность, компенсация за работу ночью.

— Неплохо живёт твой брат. Он получает больше тебя.

— Размер жалованья ничего не доказывает. Деньги могут начислять на его имя, а получать другие.

— Тут ты прав.

Черк немного успокоился.

— Значит, что имеем, — сказал я. — Трик официально умер, фактически жив, работает в Нулевом ранге и ставит регистрационные отметки, благодаря которым в Империи творится чёрт знает что. Теперь надо понять простую вещь: работает добровольно или его держат за причинное место.

Черк поправил очки.

— Я уже сказал, что брата могли заставить. Ты видел только ведомости, а не самого Трика. Он мог подписывать под угрозой, мог получать деньги на счёт, которым не пользуется, мог вообще не знать, что ему начисляют премии.

В Москве у меня один клиент десять лет числился директором трёх фирм-прокладок, хотя клялся, что ничего не подписывал. Оказалось, жена украла паспорт, её любовник подделывал подписи, а сам клиент всё это время ни о чём не до-

гадывался. Правда, потом выяснилось, что две другие фирмы он всё-таки открыл сам, но это уже другая история.

Я покопался в бумагах и нашёл интересный лист с премией «за предотвращение утраты объекта». Другой документ значился как благодарность за правильное оформление повторной смерти. Третий назывался — выдача дополнительных пайков за особое усердие. И ещё я нашёл документ: «Добровольное продолжение службы после официальной смерти».

— Смотри, — сказал я. — интересно гномы пляшут.

«Я, Трик си Трум, ранее служащий регистрационной палаты, подтверждаю желание продолжить работу в закрытой службе после оформления прекращения гражданского статуса... Решение принято без применения прямого магического подчинения».

Черк взял листы и не глядя откинул на угол своего маленького стола и посмотрел на меня сердито.

— Я видел, и что? Слово «добровольно» само по себе ничего не доказывает, Курт. Если ему сказали, что в противном случае убьют меня, мать или ещё кого-нибудь, он подпишет.

— Согласен. Именно поэтому будем искать обстоятельства подписания, свидетелей, движение денег и самого Трика. Документ подтверждает одно: подпись его и формально согласие. Было ли оно добровольным — узнаем.

Гном медленно кивнул. Я достал чистый бланк.

— Возбуждаем отдельное производство. Пока по факту

незаконного использования личности официально умершего лица и работы тайной системы с такими лицами. Трика внесём как проверяемое лицо, без обвинения.

Черк расслабился.

— Название длинное.

— Зато красивое. Пиши: «Проверка обстоятельств использования личности Трика си Трума после регистрации его смерти, а также законности совершённых от его имени регистрационных действий».

Черк принялся писать. Перо заскользило быстро. Я наблюдал, как привычное дело постепенно успокаивает Черка. Пока речь шла о брате, он был растерян. Как только появилась форма, номер и графа регистрации, гном снова становился собой.

— Ответственным назначим тебя, — сказал я.

Перо остановилось. На меня уставились гномьи недовольные глазки.

— Ты лучше всех знаешь почерк, привычки, прежние места работы Трика и людей, с которыми он общался. Чужой следователь половину деталей не заметит.

— Он мой брат.

— Поэтому укажем личную заинтересованность прямо в постановлении. Если найдём доказательства преступления, передадим обвинительную часть другому. Пока твоя задача — найти человека.

— А если он и правда всё делает добровольно?

— Тогда сначала выслушаем, — сказал я. — А после решим, что с ним делать.

— Ты его не отдашь сразу прокурорским?

— Я адвокат, Черк. Я даже убийцам давал возможность сначала рассказать свою версию. Иногда она стоила дорогого.

Черк поставил подпись под назначением ответственным исполнителем. Я подписал как Особый ревизор и приложил печать.

Дар слегка качнулся.

«Назначение допустимо при фиксации личной заинтересованности».

— Добавь отдельной строкой, что Трик твой родной брат.

Черк принёс папку последних регистрационных действий Трика. За последние двое суток брат зарегистрировал несколько выплат, два распоряжения о перемещении объектов, три записи о смерти и один внутренний приказ, закрытый чёрной плашкой.

— Вот этот документ интересный, — сказал Черк. — Адресат скрыт. У меня нет допуска.

Я приложил ладонь к бумаге. В затылке качнуло. Чёрная плашка не исчезла, но над ней вспыхнула золотая строка:

«Соккрытие документа от лица, имеющего право на ознакомление».

«В связи с учреждением должности Особого ревизора Канцелярии Его Императорского Величества подго-

товить резервную замену».

«Объект: Курт де Гри».

«Текущий ранг: одиннадцать».

«Должность: Особый ревизор».

«Доступ: императорский».

«Зарегистрированная родовая способность: отсутствует».

«Срок подготовки первичной замены — трое суток».

Внизу стояла подпись.

Трик си Трум.

Дата — вчерашняя, 11-05.

— Во сколько меня официально зарегистрировали ревизором?

Черк быстро нашёл копию из реестр о входящей регистрации.

— Формально указ Августа вступил в силу в момент подписания. Но официально по реестру твои полномочии начали действовать вчера в 16-30 по столичному времени.

— Приказ Трика оформлен за пять часов до того, как сведения о твоём назначении попали в реестр Канцелярии.

— Слишком быстро, Курт. Даже внутренние отделы не все успели получить информацию. У нас постоянные пропуска до сих пор не оформлены.

— А Нулевой ранг уже знает мою должность, ранг, уровень доступа и отсутствие магических способностей. А ещё готовит мне двойника.

— Откуда ты знаешь?

Я сел за своё стол, откинулся в кресле. Колени подняли стол, чернильница поехала к краю, пришлось быстро прижать столешницу руками.

Вот теперь картина становилась совсем интересной. Император позавчера создал для меня должность, причём в обход законной процедуры. А на следующий день брат Черка Трик ещё до того, я полноценно вступил в должность, зарегистрировал в Нулевом ранке приказ о моей ликвидации. Через несколько дней по Канцелярии должен был начать ходить второй Курт де Гри, вернее уже третий.

— Черк, — сказал я, ещё раз перечитывая приказ. — У твоего брата либо очень хорошая агентура, либо сведения о моём назначении ему передал тот, кто знал о должности раньше Канцелярии.

Гном поднялся над столом.

— Неужели сам Император?

Из подсобки донёсся вой.

— Ну что ты! Император вне подозрений — с усмешкой проговорил я, понимая, что у стен есть уши, — Но людей, которые знали заранее, немного.

Глава 4. Ромашки против ванили

После истории с моей будущей копией хотелось спокойно поесть. Я вернулся в поместье ближе к обеду и ещё в коридоре слышал голос матушки. Она отчитывала служанку за неправильно поставленные цветы. Да, мы обзавелись молоденькой служаночкой, по имени Афrolита. Такая милашечка: стройная, в коротком платье с кружевами, глаза большие, губки бантиком, глаза изумрудные. Здравствуй крошка, смахни с меня пыль немножко!

— В гостиной должны стоять ромашки. Бьянка их любит. А эти отнеси обратно ей в комнату, зря что Василис фон Ар такой роскошный букет прислал курьером!

Вот же воздушная зараза! Василис, значит, уже цветы присылает. Знал, куда целиться.

Я вошёл в гостиную.

На столе стояло два букета. Один маленький с полевыми ромашками. А второй огромный с ромашками, васильками и розами. Букет был украшен серебряной ленточкой и звёздами.

Есть перехотелось и я поспешил в комнату Бьянки. Она сидела на кровати, поджав под себя ножки, и читала себryanную карточку. Причём, судя по лицу, уже раз десятый.

Увидев меня, быстро положила карточку под подушку.

— Вернулся на обед? Пан Жорка жарит поросёнка. — ска-

зала она. (Мне показалась эта фраза невероятно поэтичной).

— Нет. Это моя копия.

Бьянка кинула недовольный взгляд.

— Тогда очень похожая. Только у тебя лицо вреднее.

Я снял сюртук и бросил на кресло.

— Что пишет наш младший помощник прокурора?

— Императорского прокурора.

Улыбка исчезла с милого лица Бьянки. Она достала карточку из-под подушки, покрутила, потом посмотрела на дверь.

— Матушка где?

— В гостиной. Ведёт войну с прислугой за правильное размещение ромашек.

— Черк?

— Остался в Канцелярии.

— Хорошо.

Когда женщина выясняет, нет ли рядом свидетелей, значит, собирается что-то сообщить, обычно ничего хорошего дальше не происходит. В моей практике после такого начинались рассказы про любовников, спрятанное имущество или совместно нажитую квартиру, которая почему-то оформлена на маму.

Бьянка встала.

— Василис хочет официально просить моей руки.

Вроде ничего страшного не произошло. Молодой красивый аристократ из хорошего рода хочет жениться на краси-

вой девушке. Любой нормальный брат должен обрадоваться.

— Быстро он.

— Мы знакомы не первый день.

— Вы виделись несколько раз.

— Больше.

— Когда?

— Пока ты занимался своими делами.

— Какими именно?

— Всеми. Ты почти не бываешь дома, Курт. Канцелярия, суды, тюрьма, Император, какие-то покойники. Иногда приезжаешь ночью, утром опять исчезаешь. Василис приезжал сюда. Мы гуляли. Разговаривали.

— Я работаю в Канцелярии два дня.

— Тем не менее.

— И что ты ответила?

— Пока ничего.

Она подошла к окну. Несколько секунд смотрела во двор, как пан Жорка жарит на вертеле поросёнка, а дракон Фискал лежит и якобы не обращает на это внимание.

— Но соглашусь.

Внутри что-то неприятно дёрнулось.

— Поздравляю, — сказал я и сглотнул сухую слюну, захотелось пить.

Бьянка обернулась.

— И всё?

— А что ещё говорить? Жених молодой, красивый, при деньгах, из хорошего рода. К тому же прокурор, но идеальных людей не бывает.

— Ты даже не спросишь, почему я хочу согласиться?

— Потому что любишь.

— Не знаю.

Бьянка вернулась к кровати, и плюхнулась задницей и протянула мне ноги.

— Помассируй мне ножки! Василис мне нравится. Очень. Раньше я думала, что люблю его. Может, и сейчас люблю. Только теперь это не главное.

— А что главное? — спросил я, начиная разминать её маленькие холодные пальчики.

— Я тебе не родная сестра. Я из рода Аурелис, который укрощает драконов. Мне нужна сильная партия. После того как выяснилось, кто моя мать, всё стало сложнее. Для людей я де Гри, но крови де Гри во мне нет. Я Аурелис. Дочь драконицы. Пока это знают немногие, но рано или поздно узнают остальные. И тогда любой чиновник сможет решить, что я вообще не человек и никаких прав у меня нет.

— Не сможет.

— Сможет, Курт. И ты это знаешь.

В этой Империи можно было иметь две руки, две ноги, разговаривать, платить налоги и всё равно внезапно выяснить, что по какому-нибудь указу двухсотлетней давности ты имущество.

— Василис предлагает защиту рода фон Ар, — продолжила она. — Если я стану его женой, никто не сможет прийти и забрать меня на опыты или объявить незаконным существом. Их род сильный, в его замке я буду защищена.

— Я тебя буду защищать.

— Курт, ты не можешь всю жизнь ходить рядом со мной с постановлением в одной руке и мечом пана Жорки в другой. У тебя свои дела. Ты Особый ревизор. А я хочу заниматься драконами, работать с Фискалом и не ждать, когда очередной наместник решит вырезать ему сердце. Я хочу искать остальных драконов и добиваться признания их разумными.

Она говорила всё быстрее. Глаза загорелись. Вот такой я её любил. Не в том смысле... Тьфу. В общем, нравилась она мне такой.

— У рода фон Ар есть влияние, — продолжила Бьянка.

— Воздушные пути, прокуратура, связи при дворе. Василис сказал, что поможет.

— Василис много чего может сказать до свадьбы. У мужчин это распространённое явление. Особенно когда рядом красивая девушка.

— Ты тоже мужчина.

— Поэтому знаю.

Бьянка усмехнулась.

— Он уже помогает. Нашёл старые документы о правовом положении разумных магических существ. Познакомил меня с двумя профессорами из Императорской академии. И

обещал поговорить с отцом насчёт переправки освобождённых драконов по воздушным коридорам.

— Подошёл основательно. И что теперь?

— Через несколько дней приедет свататься. Пока отца нет, он будет говорить с тобой как с главой рода. Ты должен благословить нас.

А вот это был уже удар ниже пояса!

После обеда я перебрался в кабинет. Поросёнок мне так и не достался, его утащил Фискал прямо с вертела, когда пан Жорка отвернулся. Я поел картофеля с огурцами и теперь сидел недовольный, перебирая бумаги.

Работать дома было неудобно. Постоянно кто-нибудь заходил. Матушка принесла чай. Пан Жорка спросил, не обижаюсь ли я на него, что поросёнок не был донесён до стола. Фискал сунул голову в окно, едва не снёс раму, и сообщил, что поросёнок просто таял во рту.

Потом пришёл Ларок. Он выглядел лучше, чем вчера. После всего, как я казнил его отца Вена фон Брауна, можно было ожидать запой, истерику или хотя бы депрессию. Но Ларок фон Браун был аристократом. Их с детства учили держать спину прямо, даже если родного папашу обезглавили по приговору суда.

— Курт.

— Ларок.

Он помолчал. Я тоже.

Наши отношения сложно было назвать дружескими. Он убил прежнего Курта на дуэли. Потом пытался убить меня ещё раз. Его отец пытался убить почти всех вокруг. С другой стороны, последние события сильно поменяли расстановку сил.

— Мне нужна Салли, — сказал он наконец.

— Поздравляю.

Ларок поморщился.

— Она здесь?

— Не знаю.

— Мне сказали, приехала к Бьянке.

Я пожал плечами. Поместье большое. После восстановления рода народу стало столько, что иногда я встречал в коридорах людей, которых вообще не знал. Родственники, слуги, чиновники, просители. Вчера какой-то старик поклонился мне и назвал «молодым господином». Я до сих пор не выяснил, кто это.

— Поищи.

Ларок уже хотел ответить, когда дверь открылась и появилась Салли. Светлое платье, распущенные волосы, знакомые большие глаза и аромат ванили.

Салли увидела Ларока, опешила. И вот тут произошло забавное. Человек, который ещё недавно вызывал меня на смертельную дуэль, угрожал, орал и вообще старательно изображал грозу Южных земель, вдруг превратился в мальчишку.

Плечи опустились, лицо стало растерянным. Даже руки не знал куда деть.

— Ты зачем приехал? — спросила она.

— Поговорить.

— Мы уже говорили.

— Нет, Салли. Ты говорила. Я слушал.

Я сделал вид, что занимаюсь бумагами.

— Мне нужно объяснить, — продолжил Ларок. — После смерти отца многое изменилось.

— Для тебя.

— Для нас тоже.

Салли усмехнулась.

— «Нас» давно нет.

Ларок побледнел. Мне даже стало немного жаль его. Со всем немного.

Когда-то я видел таких мужчин в судах. Вне заседания директор завода, депутат, владелец половины района. А потом заходила жена, смотрела определённым образом, и владелец половины района начинал объяснять, почему не купил хлеба и молока.

Салли этим искусством владела без всякой магии.

— Я не прошу тебя вернуться прямо сейчас, помолвка расторгнута, — сказал Ларок. — Но ота больше нет. Я хочу начать заново.

— А я не хочу.

Он сжал челюсть.

— Из-за него?

Вот теперь оба посмотрели на меня. Я поднял руки.

— Меня вообще здесь нет.

— Курт, — сказала Салли, — выйди.

— Это мой кабинет.

— Тогда мы выйдем.

— Ступайте, дети мои!

Дверь закрылась, и из коридора донёсся голос Ларока. Слов не разобрать, но говорил громко. Салли ответила тише. Потом опять он.

Через две минуты дверь открылась. Вошла Салли.

— Где Ларок?

— Уехал.

— Он тебя любит.

— Знаю.

— Ты его?

Она не ответила сразу.

— Не знаю.

Сегодня какой-то день неопределённой любви.

Сначала Бьянка не знает, любит ли Василиса. Теперь Салли не знает, любит ли Ларока.

— Раньше любила, — сказала Салли. — Потом боялась. Потом ненавидела. А сейчас смотрю на него и не понимаю.

— Нормальные отношения.

— У тебя лучше?

— У меня вообще никаких.

Салли подошла к столу.

— Я слышала про Бьянку.

— В поместье новости распространяются быстрее приказов Императора.

— Василис будет свататься.

— Видимо.

— И ты позволишь?

— А я должен запрещать?

— Не знаю. Ты же у нас теперь главный защитник всех женщин де Гри.

— Салли, если Бьянка хочет замуж, я не могу запереть её в башне.

— Можешь. Башня у вас есть.

— Не подсказывай.

Салли хихикнула и обошла стол. Салли вообще любила обходить столы.

— Значит, отдашь её Василису?

— Она не моя собственность, чтобы я её отдавал.

— Красивый ответ.

— Юридически правильный.

— Врёшь.

— Почему все женщины сегодня обвиняют меня во лжи?

— Наверное, потому что ты врёшь.

Салли наклонилась за бумагой, лежавшей на дальнем краю стола, совершенно случайно прижавшись ко мне тёплым бедром, которое я ощутил через её тонкое платье.

— Салли. Ты это специально?

— Я просто хотела посмотреть, что ты пишешь.

Она положила ладонь мне на плечо и посмотрела на меня смеющимися глазами.

— Если она выйдет за Василиса, тебе станет плохо.

— С чего бы?

— Я вижу, как ты на неё смотришь.

— Она моя...

Я остановился.

«Сестра» теперь звучало совсем глупо.

— Курт, я знала тебя до смерти на дуэли. Ты раньше смотрел на меня так.

— Это был другой Курт.

Салли убрала руку с плеча.

— Иногда мне кажется, что да. Ладно. Не буду мешать Особому ревизору.

Она прошла к двери и остановилась.

— Но если Бьянка выйдет замуж, не приходи ко мне жаловаться.

— Даже не собирался.

Салли открыла дверь.

— А если передумаешь, я пока тоже ни за кого не вышла. И ушла, оставив в кабинете аромат ванильки.

Минут через десять дверь снова открылась.

Я даже головы не поднял. После Салли мне наконец удалось заставить себя посмотреть в бумаги, хотя читать одно

и то же постановление приходилось уже в третий раз. Перед глазами вместо букв всё время возникала шатенка, её голубые глаза и то, как она совершенно случайно, ну конечно же случайно, прижалась ко мне своей аккуратной задницей, наклоняясь за никому не нужным листом. Иван Сергеевич, ну что ты как мальчишка? Сорок два года человеку, двое детей, жена, любовница осталась в Москве, а он сидит и вспоминает женскую задницу. Неисправим!

— Кто там?

— Это я. Неужто не чувствует ромашки?

Я поднял голову. В дверях стояла Бьянка.

Она уже переделалась. Вместо утреннего светлого платья на ней было другое, зелёное, простое, но сидело оно на ней так, что простым его назвать язык не поворачивался. Золотые волосы были собраны сзади голубой лентой, несколько прядей выбились и падали на щёки. Хороша! Как ни крути, как ни объясняй себе, что передо мной девушка, которую настоящий Курт двадцать два года считал сестрой, никаких родственных чувств моё тело к ней не испытывало. Да и душа, чего греха таить, тоже.

Бьянка втянула воздух маленьким носом.

— Что? — спросил я.

Бьянка ничего не ответила, только медленно пошла по кабинету. Прошла мимо дивана, остановилась возле стола, снова понюхала воздух и посмотрела на меня с таким выражением, будто Особого ревизора прямо сейчас собирались пой-

мать на месте особо тяжкого преступления.

— У тебя ванилью несёт в кабинете. Как неприятно! Тараканов травили?

Я машинально понюхал собственный рукав.

— И что?

— Ничего, — сказала Бьянка слишком спокойно. — Просто.

— Салли заходила. Загадка раскрыта, следствие можно закрывать.

— Я её видела.

Бьянка подошла ближе. Теперь её взгляд остановился на моём воротнике. Что она там увидела, я не знал, но лицо стало ещё недовольнее.

— Она к Лароку приезжала.

— Ну да

— А потом зачем к тебе пришла?

— Поговорить.

— О чём?

Я отложил перо.

— Бьянка, ты что, меня допрашиваешь?

— Нет. Если бы допрашивала, позвала бы Василиса. Он помощник прокурора и знает, как правильно.

— Мы разговаривали про Ларока, про тебя, про её отца. Обычный разговор.

— Про меня?

— Немного.

— Что именно?

Тут можно было соврать. Я даже начал придумывать красивый ответ, но вовремя остановился. С женщинами вообще плохо работает сложная ложь, особенно если женщина уже пришла с готовой версией событий. Чем больше объясняешь, тем виноватее выглядишь. На Земле я однажды двадцать минут рассказывал Зинке, почему запах женских духов оказался на пассажирском ремне безопасности. До моего рассказа она ещё сомневалась, что почувствовала аромат духов, а после моих неуклюжих объяснений уже точно знала, что я с кем-то сплю, это я понял по её глазам. И была права.

— Салли спросила, правда ли я спокойно отдам тебя за муж за Василиса.

— И что ты сказал?

— Что ты не вещь, чтобы тебя кому-то отдавать.

— А потом?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Ну почти.

— Что значит «почти»?

— Бьянка!

Маленькая зараза специально меня дразнит и получает от этого удовольствие.

— Что? Я просто интересуюсь. У меня через несколько дней, может быть, жених официально появится, а Салли всё возле тебя крутится. Я должна знать, что здесь происходит.

— Почему ты должна знать?

— Потому что здесь живу.

— Прекрасное юридическое основание. Я тоже здесь живу. Значит, имею право знать, что происходит между тобой и Василисом?

Улыбка исчезла.

— А тебе ведь всё равно.

— Конечно, всё равно.

— Хорошо.

Бьянка снова втянула носом воздух и неожиданно приблизилась. Я сидел в кресле, поэтому её лицо оказалось чуть моего. Она наклонилась и понюхала возле плеча.

— Эй!

— Сиди.

— Ты совсем уже?

Она не обращала внимания. Провела носом возле воротника, почти касаясь кожи. Волосы защекотали мне щёку, и вместо ванили я почувствовал уже её ромашки, тёплый девичий запах и лёгкий аромат цветочного мыла. Молодое тело Курта немедленно отреагировало на близость. Ему вообще много не требовалось. Красивое женское лицо рядом, маленькая грудь возле плеча, губы в двух сантиметрах — и всё, хозяин, разбирайся дальше сам.

— Здесь особенно сильно пахнет, — сказала Бьянка.

— Потому что Салли стояла рядом.

— Насколько рядом?

— Нормально рядом.

— Это сколько?

— Бьянка, я расстояние не измерял.

— А зря. Ты же ревизор. Должен всё измерять.

Она положила ладошку мне на грудь, словно хотела отодвинуться, но почему-то не отодвинулась. Напротив, пальцы медленно скользнули вверх к воротнику.

— Опять криво.

— Что опять криво?

— Воротник. Его трогала Салли? Ты ей позволял его трогать?

Я усмехнулся.

— Нет, воротник она не трогала!

— А что она трогала?

Ссука. Какой из меня адвокат, если я сам себя поймал на уточняющем ответе.

— Бумаги.

— И поэтому от тебя ванилью пахнет?

— Она наклонялась через меня за документом.

Бьянка уже открыто улыбалась.

— Очень важным документом?

— Вообще-то нет.

— Тогда зачем ей понадобилось наклоняться через тебя?

— Спроси у неё.

— Обязательно спрошу.

Вот этого как раз не надо.

Я представил встречу двух красавиц, где Бьянка с милой улыбкой спрашивает, зачем Салли крутилась около меня. А потом они вцепятся друг другу в волосы, а виноватым в итоге всё равно сделают меня.

— Она просто заигрывала.

— А ты заигрывал?

Я хотел ответить сразу, но почему-то задержался. Её пальцы всё ещё лежали на моём воротнике. Она чуть потянула его на себя, заставляя меня поднять подбородок.

— Значит, заигрывал.

— Я мужчина.

Она тихо рассмеялась. Ромашки усилились.

— А утром мне рассказывал, что не ревнуешь.

— И сейчас не ревную.

Бьянка медленно провела пальцем по моему воротнику, потом по шее. Просто коснулась кожи кончиками пальцев, но у меня по спине прошёл холодок. Я сам не понимал, чего хочу больше: чтобы она прекратила или продолжила.

Она стояла так близко, что между нами оставалось совсем немного пространства. Я видел каждую ресницу, широко раскрытые глаза, маленькую родинку возле уха, которую раньше не замечал. Губы у неё были чуть приоткрыты, розовые, влажные.

Бьянка коснулась пальцем моей нижней губы. Провела справа налево, будто стирала невидимый след.

Я перестал улыбаться.

— Что делаешь?

— Ваниль убираю.

— С губ?

— Откуда мне знать, куда она успела попасть.

Я перехватил её за запястье. Рука тонкая. Кожа тёплая. Она могла легко вырваться, но даже не попыталась.

— Бьянка, ты ведь сама только что сказала, что собираешься согласиться на предложение Василиса.

— Сказала. Он приедет свататься.

— И ты хочешь выйти за него замуж.

Она на секунду отвела взгляд.

— Наверное.

— Тогда какого чёрта ты меня лапаешь?

Бьянка снова посмотрела прямо в глаза.

— А тебе разве не всё равно?

Я отпустил её руку. Вот ведь стерва. Маленькая, красивая, пахнущая ромашками стерва.

— Всё равно.

— Тогда не сердись.

Она убрала ладонь с моей груди, но отойти не спешила.

Наоборот, повернулась чуть боком и мягко прислонилась бедром к моему колену. Я ощущал её через платье. Волосы скользнули по моему плечу. Она наклонилась и поцеловала меня в щёку, совсем рядом с уголком губ.

Поцелуй получился долгим, совсем не сестринским. Да какое, к чёрту, сестринское? Она вообще не моя сестра. Да-

же Курту не родная, как выяснилось. Одна привычка, воспитание и двадцать два года общей жизни, которых у меня с ней не было. Вот для настоящего Курта будет проблема, конечно, если он когда-нибудь вернётся в своё тело.

Бьянка отстранилась на несколько сантиметров, но её ладонь опять легла мне на грудь.

— Ну вот, — тихо сказала она. — Теперь лучше.

— Что лучше?

Она чуть шевельнула носом.

— Ромашками пахнет сильнее, а ванилью слабее.

— Ты совсем ненормальная.

— Может быть.

— И Василис на такой собрался жениться?

При упоминании жениха её глаза вспыхнули ненавистью.

— А что, уже ревнуешь?

— Нет.

— Жаль.

Сказала и посмотрела на мои губы.

— Бьянка...

Она приложила палец к моим губам.

— Молчи.

И ещё раз поцеловала меня в щёку.

На этот раз быстро.

После чего вдруг отступила, поправила платье и стала выглядеть так невинно, словно последние пять минут не проверяла меня на запах другой женщины и не водила пальцем

по губам.

— Кстати, Василис завтра приедет к обеду.

Я откинулся в кресле.

— Прекрасно.

Бьянка хохотнула и вышла за дверь.

Несколько секунд смотрел на закрытую дверь, после чего взял со стола перо и попытался вернуться к работе. Не получилось.

В комнате стоял устойчивый аромат ромашек и ванили, смешиваясь в какофонию.

Я понюхал себя, почувствовал оба аромата и выругался.

Вот так моя личная жизнь окончательно превратилась в парфюмерный магазин, в котором одна половина товара принадлежала златовласой дочери драконицы, собравшейся замуж за прокурора, а вторая — красивой шатенке, которая приехала проведать бывшего жениха, но почему-то прижималась задницей к Особому ревизору.

И ведь самое неприятное заключалось даже не в том, что обе мне нравились. А в том, что отдавать другим мужчинам я уже не хотел ни одну.

Глава 5. Предложение с печатью

Василис прибыл для сватовства к обеду, воздушный акробат решил устроить настоящее шоу из помолвки. Он не только выглядел в жизни правильным и слащавым, но и старался заострять свой образ до невозможности. Вот и теперь, когда мы всем семейством охраняли жарившегося в саду на вертеле поросёнка от Фискала, слышали свист, задрали головы и прямо так офигели, по-другому сказать сложно.

Первым над садом появился большой белый грифон с золотой сбруей. Он сделал круг над поместьем, расправив крылья так широко, что на несколько секунд закрыл солнце. Потом из-за деревьев вынырнули ещё два, за ними сразу четыре всадника на воздушных конях, а последним появился сам Василис. Естественно, без шлема, потому что если у тебя красивые светлые волосы и родовая магия воздуха постоянно укладывает их лучше любого московского парикмахера, прятать такую красоту под железной кастрюлей преступно.

Пока грифоны закладывали удивительные виражи над поместьем строем не хуже эскадрильи истребителей, а я, Бьянка, матушка София и пан Жорка задирали головы наблюдая за всем этим действительно красивым зрелищем, Фискал под шумок стащил с вертела поросёнка.

Воздушные всадники начали снижаться на дальней стороне сада. Трава под ними закрутилась кольцами, листья под-

нялись в воздух, с яблони посыпались недозрелые плоды. Один ударил пана Жорку по голове.

— Вот ведь сваты! — выругался он, потирая лысину. — Ещё во двор не вошли, а уже урожай портят.

Матушка София охала и ахала. А я сначала не понял, когда увидел утром, почему она надела праздничное платье и горничная укладывала ей волосы. Вчера матушка делала вид, что ничего особенного не происходит, а утром подняла на ноги весь дом, заставила Афrolиту трижды перемыть гостиную, велела приготовить четыре вида мяса и лично проверила, нет ли пыли на родовом гербе.

Женщины вообще удивительный народ. Могут два дня говорить: «Да мне всё равно, пусть приезжает», а потом с шести утра переставлять стулья, потому что один стоит недостаточно торжественно.

Что касается Бьянки, то на ней было светлое платье с зелёной вышивкой, открывавшее плечи, золотые волосы собраны наполовину, остальное падало на спину. Никаких дорогих украшений, только тонкая цепочка на шее и маленькие серьги. Но выглядела она так, что мне пришлось несколько раз напомнить себе: сегодня воздушный красавчик будет официально просить разрешение ухаживать за ней, и я как глава рода должен вести себя достойно.

Хотелось вместо этого приказать Фискалу сожрать грифонов. Но дракон жрал поросёнка и отвлекаться на всяких воздушных магов, судя по его чавканью, был ненамерен.

— Красивый прилёт, — сказала Бьянка.

— Дешёвые понты.

Она посмотрела на меня.

— Что такое понты?

— Понты... Это как панталоны.

— Зато красиво.

— Грифоны жрут много, неликвидный актив.

Василис в тёмно-синем кителе с золотой вышивкой и погонами зампрокурора Императора прыгнул на землю легко, почти не коснувшись сапогами травы, и сразу направился к нам. За ним шли двое представителей в бело-голубых мундирах и маленький сухой старик с огромной папкой под мышкой. Я сразу понял, что это семейный юрист. Вот тебе и романтик. А паренёк не такой дурак, как кажется.

— Госпожа София де Гри, господин Курт де Гри, — Василис поклонился матушке в пояс. — Благодарю, что приняли. Потом повернулся ко мне.

— Господин глава рода, — он сделал короткий кивок головой.

— Василис.

Мы пожали руки.

Бьянка стояла рядом нами и явно наслаждалась происходящим.

Василис подошёл к ней последней, взял за пальцы и поцеловал руку.

— Бьянка.

— Василис, — сказала Бьянка и стрельнула в сторону жёниха глазками.

Со мной «Курт, козёл, не трогай, отпусти, дай помассировать ноги», а здесь — поцелуйчик руки, и глаза уже светятся. Я ещё раз убедил себя, что совсем и ничуть не ревную.

После обычных приветствий мы прошли в большой кабинет моего отца по телу Альберта де Гри. По сути, теперь это был мой кабинет как главы рода.

И тут возникла первая проблема. Бьянка вошла вместе со всеми.

София остановилась возле стола и мягко сказала:

— Доченька, теперь нам надо поговорить без тебя.

— Почему?

— Потому что так принято.

— Мне замуж выходить, а говорить будете без меня?

— Пока никто тебя замуж не выдаёт.

— Тогда тем более я останусь.

Она села в кресло главы рода.

Василис выглядел так, будто хотел поддержать её, но понимал, что сейчас лучше не лезть. Старик-юрист фон Аров остался за дверью. И там же должна была стоять Бьянка, но она не понимала этого.

— Бьянка, — сказал я. — Есть обычай.

— Глупый.

Дар вспыхнул.

— При сватовстве разговор сначала ведут глава рода же-

ниха и глава рода невесты, также могут, но не обязаны участвовать матери невесты и жениха.

— А где глава рода фон Ар?

— Его представляет Василис.

— Значит, я представляю рода де Гри!

— Нет. Я не уполномочивал!

Бьянка скрестила руки на груди.

— Я никуда не пойду.

Матушка София вздохнула.

— Доченька.

— Матушка, ну почему мужчины будут решать, можно ему за мной ухаживать или нельзя, а я должна сидеть за дверью?

Хороший вопрос. На Земле такую процедуру давно бы назвали дискриминацией, патриархатом и ещё десятком неприятных слов. Но здесь были свои порядки.

— Никто ничего без тебя не решит, — сказал я. — Сейчас он объяснит намерения. Потом мы позовём тебя и спросим. Если скажешь нет, никаких договоров не будет.

— А если скажу да?

— Тогда я подумаю.

— Ты специально хочешь остаться с ним один.

— Матушка будет с нами.

Бьянка надула губки, вдруг вскочила и, добежав до двери бросила:

— Хорошо! Раз вам так надо, сидите тут и обсуждайте

меня, как корову на ярмарке.

Дверь хлопнула.

Я сел за стол, матушка и Василис сели в кресла напротив.

Василис сразу сказал:

— Я хочу официального разрешения ухаживать за Бьянкой де Гри с намерением заключить помолвку, если она сама согласится.

— Свадьбу когда планируете? — спросила София.

— Не сейчас. Я предлагаю помолвку без установленной даты брака. Бьянке необходимо время, чтобы разобраться с происхождением Аурелис, а мне — закрепить её положение в нашем роду.

Матушка кивнула. Василис посмотрел на меня.

— Есть ещё то, о чём я должен сказать до любого соглашения.

— Слушаю.

— Когда мы впервые встретились, я наблюдал за Бьянкой по поручению Императорской прокуратуры. Вы про это знаете, де Гри. Но не лишним напомнить.

— Да, вы мне это сами сказали, но не рассказа подробно.

— Это было поручение моего непосредственного начальника, прокурора. А ему поручил сам император Август после того, как выяснилось, что её способность связана с драконами.

— Что именно ты должен был выяснить?

— Происхождение дара, связь с Фискалом, возможную принадлежность к исчезнувшему роду Аурелис и угрозу для Императора.

Матушка напряглась.

— Угрозу?

— Любой человек, способный управлять взрослым драконом, рассматривается как потенциальная военная угроза. Покушение на балу это показало.

— Какие сведения ты передал?

— Я передал те сведения, которые итак известны всей Империи и о которых судачат от простолюдинов до аристократов. Но неизвестные скрыл. Потому что полюбил Бьянку.

Василис на секунду посмотрел в окно.

— Я понял что если передам всё, Бьянку заберут на закрытое исследование. Формально добровольное. Фактически она бы оттуда не вышла.

София побледнела.

— Какие сведения скрыли?

— О прямой связи с родом Аурелис. О способности воздействовать на драконов. И о том, что Фискал подчиняется ей не через магическое принуждение.

— Это должностное преступление.

— Возможно.

— Не возможно. Точно.

— Тогда можете возбудить проверку.

Вот же благородный ублюдок. Было бы гораздо легче, если

бы Василис оказался обычным козлом. Я бы за пять минут нашёл основание отказать в браке с помощью дара. Но дар показывал, что воздушный маг не врал.

Василис сидел напротив, спокойно признавал собственное нарушение и делал это потому, что защищал Бьянку.

— Зачем рассказываешь сейчас? — спросил я.

— Потому что если мы заключим соглашение между родами, вы должны знать, с чего всё началось. Я не хочу, чтобы через год кто-нибудь принёс Бьянке старый приказ и сказал, что её муж познакомился с ней по приказу Императора.

— Хорошо, — сказал я. — Дальше.

Василис встал, прошёл к двери, позвал старика-юриста. Тот вошёл с большой папкой, деловито осматривая кабинет. Бьянка попыталась войти с ней, но я так посмотрел на неё, что она сама закрыла дверь.

Юрист открыл папку и достал три экземпляра документа.

— Проект соглашения между родом фон Ар и родом де Гри, — сказал Василис. — Я подготовил заранее, чтобы не ограничиваться словами.

Я взял толстый экземпляр в руки. На Земле брачные договоры обычно становились толстыми, когда у людей было что делить.

Первые пункты обычные. Стороны подтверждают намерение. Помолвка не создаёт обязательства вступить в брак без повторного личного согласия Бьянки. При расторжении никаких имущественных санкций. Род де Гри сохраняет пра-

во Бьянки на наследование. Фон Ар предоставляет защиту, проживание и представительские права при дворе.

С помощью дара я начал читать договор и искать лазейки. Где-то должна быть гадость. Люди не заключают договоры без гадости. Я двадцать лет этим занимался. Хорошо, пятнадцать.

Положил ладонь на первую страницу.

Дар включился. Над документом появились золотые строки.

«Нарушение порядка нумерации приложений».

«Отсутствует ссылка на экземпляр родовой описи».

«Неверное обозначение титула Софии де Гри».

Я нахмурился. Это всё? Перевернул страницу.

«Опечатка в номере статьи».

Следующая.

«Подписи свидетелей должны располагаться на две строки ниже».

Никаких скрытых ловушек. Я даже разозлился.

— Что-то не так? — спросил Василис.

— У тебя приложение два идёт перед приложением один.

Старый юрист вздрогнул.

— Где?

Я показал.

Он моментально достал карандаш.

— Исправим.

— И титул Софии указан как вдовствующая госпожа рода.

Альберт жив, поэтому она супруга отсутствующего главы.

Юрист записал в блокнот.

— Благодарю.

— Ещё в пункте восемь ссылка на статью сорок два, а должна быть сорок три.

— Верно.

Василис наблюдал за мной с улыбкой.

— Всё?

— Пока да.

— Вы ожидали найти ловушку?

— Я всегда ожидаю найти ловушку.

— Это ваша работа и характер, — сказал Василис без злости. Я даже проникся. Бываю же такие!

Матушка взяла документ.

Прочитала несколько страниц.

— Здесь написано, что Бьянка сохранит права рода де Гри даже после брака.

— Да, — ответил Василис. — Я не хочу отрывать её от семьи.

Мать посмотрела на него ещё теплее.

— И Фискал отдельно указан как свободное разумное существо, — продолжил Василис. — Чтобы никто из моего рода не попытался включить его в приданое.

Из сада донёсся довольный рёв. Подслушивает, надо окно было прикрыть.

Более того, в документе отдельным разделом было запи-

сано, что никакие драконы, связанные с Бьянкой, не становятся собственностью фон Аров ни при браке, ни при рождении наследников.

Всё чисто.

— Ты сам это включил?

— Да.

— Почему?

— Бьянка мне голову оторвёт, если кто-то попытается забрать Фискала.

— А если твой отец будет против?

— Тогда помолвку не заключим.

— И ты откажешься?

— От брака без согласия рода — да. От Бьянки — нет.

София улыбнулась. Я чуть не застонал.

— Ладно, — сказал я. — Теперь позовём главную проблему.

На этих словах Бьянка, которая видимо всё это время гре-
ла уши, влетела в кабинет.

— Василис, выйди! — сказал я.

Воздушный маг и его юрист поклонились и вышли.

— Сядь.

Бьянка села на самый край кресла.

— Василис предложил официальную помолвку, — начала София. — Без немедленной свадьбы. Ты сохраняешь все свои права.

— Я слышала.

Я откинулся в кресле.

— Я дам согласие, если ты сама этого хочешь.

Бьянка открыла рот.

— Ну? — спросил я.

— Не дави.

— Я не давлю.

Глаза наполнились слезами. Ситуация стремительно уходила в ту область, где мужская логика бессильна.

Я видел такое сотни раз. Женщина приходит на развод, три часа рассказывает, какой муж козёл, пьёт, гуляет, бьёт, денег не даёт. Я готовлю заявление. Потом она начинает плакать и спрашивает, а вдруг он исправится. Забирает заявление, а на следующий день возвращается с синяком под глазом. И всё сначала.

— Бьянка, — сказал я. — Посмотри на меня.

Она вытерла щёку.

— Помолвка не свадьба. Там прямо записано, что в любой момент ты можешь отказаться без штрафов, потери имущества и обязательств перед фон Арами. Просто официальное намерение.

— А если потом все будут давить?

— Кто?

— Его род. Свет. Император. Ты.

— Я?

— Ты скажешь, что договор подписан.

— Я скажу, что договор разрешает отказаться.

— А матушка?

София взяла её за руку.

— Я скажу то же самое.

Бьянка всхлипнула.

— Тогда у меня условия.

— Говори, — сказал я.

Она выпрямилась.

— Первое. Я останусь Бьянкой де Гри. Даже после свадьбы. Фон Ар можно добавить, но де Гри не уберу. Второе. Фискал никогда не считается приданным. И никакой другой дракон тоже. Ни мой, ни освобождённый мной. И третье. Василис будет мешать мне работать с драконами. Даже если отец, Совет, прокурор или сам Император скажут, что женщине фон Ар нельзя лазить по горам, тюрьмам и драконьим логовам.

— Все эти условия прописаны в договоре, — сказал я, на что Бьянка вспыхнула, и я не понял, как она так грела уши, пропустив самое главное, — более того, сейчас Василис при двух свидетеля, мне и матушке, признался в должностном преступлении, которое совершил ради тебя. Мужчина может красиво говорить, дарить цветы, летать на грифоне, обещать дворец. Но если он ради женщины рискует карьерой и рассказывает об этом её семье до свадьбы, значит, либо совсем идиот, либо действительно любит.

— Василис не идиот.

— Значит, влюблён в тебя, Бьянка

Она опустила глаза.

— А ты?

Опять.

Матушка посмотрела на меня.

Я почувствовал себя подозреваемым.

— Что я?

— Ты согласен?

Я взял договор. Перелистнул до последней страницы.

— Если ты хочешь — да.

Бьянка резко встала.

— А если я не знаю!

Слёзы снова появились.

— Тогда не подписывай.

— Но я хочу!

— Тогда подписывай.

— Но не так!

— А как?

Она сама не знала. Бьянка прошлась по кабинету, остановилась возле окна, потом вернулась, села рядом с матушкой и вдруг прижалась к ней, как маленькая.

— Я хочу, чтобы всё осталось как сейчас, — сказала она тихо. — Чтобы дом был наш, папу нашли, Фискал жил в саду, Василис приезжал, Курт был рядом... Чтобы ничего не менять.

София погладила её по волосам.

— Так не бывает, доченька.

— Почему?

— Потому что люди растут.

Бьянка заплакала снова. Слёзы покатались по щекам. Я смотрел, как плачет красивая девушка, и чувствовал себя последней сволочью, хотя ничего вроде не сделал.

— Бьянка, — сказал я мягче. — Помолвка ничего не забирает. Хочешь попробовать — попробуй. Не понравится — расторгнем.

— Ты правда не будешь злиться?

— На что?

— Если я соглашусь.

— Не буду.

— А если потом передумаю?

— Тоже.

— А если Василис обидится?

— Переживёт. Воздухом подышит.

Она рассмеялась через слёзы.

— Тогда согласна.

Матушка поцеловала её в лоб.

Я выдохнул. Молодец, Иван Сергеевич. Я закрыл папку.

— Зовите жениха.

Василис вернулся вместе с юристом, и двумя представителями. Бьянка села напротив него. Глаза ещё красные, но уже спокойная.

Я положил соглашение перед собой.

— Род де Гри даёт согласие на официальное ухаживание

и помолвку при добровольном согласии Бьянки.

Василис посмотрел на неё.

— Я согласна, — сказала она тихо.

Он улыбнулся.

Юрист разложил три экземпляра.

— Тогда стороны подписывают здесь, здесь и на последнем листе. После этого ставятся родовые печати. Внесённые изменения я уже оформил отдельными листами, в них внесены все недочёты. Также с нашей стороны договор подпишут два представителя рода фон Аров. С вашей стороны свидетелями могут быть матушка и ещё один представитель рода.

— Фискал, — крикнул я в окно, — позови пана Жорку ко мне в кабинет...

Я и Василис подписали договор. Далее расписались два представителя рода фон аров в голубых мундирах, матушка и влетевший в своём коричневом кожаном фартуке пан Жорка. Я и Василис поставили родовые печати. Юрист поставил свою печать, и магия прошла по папкам тонкой голубой линией.

Соглашение вступило в силу.

— Один экземпляр ваш, один фон Аров, а третий будет храниться у меня в юридической палате, — сказал юрист.

Бьянка де Гри стала официальной невестой Василиса фон Ара.

Василис улетел ближе к вечеру. На этот раз без торжественного построения. Грифоны поднялись в воздух, всад-

ники прошли над садом, Василис сделал последний круг и махнул Бьянке рукой. Она стояла возле дома и смотрела, пока маленькая бело-голубая точка не исчезла за лесом.

Я смотрел на неё из окна кабинета. Потом заставил себя вернуться к бумагам.

Вечером в кабинете потемнело и я зажёл настольную масляную лампу. Афrolита принесла чай и яблочный пирог, я по привычке спросил, не ромашковый ли. Она ответила, что обычный травяной, и убежала, вильнув задницей.

Я успел прочитать два донесения, когда дверь открылась. Это была никто иная, как Бьянка. На ней осталось то же платье. Волосы распустила.

— Поздравлять ещё раз не буду, — сказал я.

Она закрыла дверь и повернула ключ.

— Зачем заперла?

— Чтобы никто не вошёл.

Я отложил бумагу.

— Что случилось?

Бьянка остановилась перед столом.

— Я хотела сказать одну вещь.

— Говори.

— Только ты опять начнёшь умничать.

— Постараюсь меньше.

Она долго собиралась.

Потом выдала:

— То, что я согласилась на помолвку с Василисом, не

означает, что перестала хотеть тебя.

Я ожидал многое, но не это.

— Чего?

— Ты слышал.

— Но не понял. Я туповат в таких делах.

— Не притворяйся, Курт.

Ещё лицо горело, уши были красные. Она злилась на себя за то, что вообще это говорит.

— Мне нравится Василис. Я хочу попробовать с ним. Хочу защиту фон Аров, хочу возможность заниматься драконами, хочу нормальную жизнь. Но когда Салли стоит возле тебя, мне хочется выцарапать ей глаза. А когда ты на меня смотришь... я знаю, как ты смотришь.

У меня пересохло во рту.

— Бьянка.

— Что?

— Ты сегодня помолвилась.

— Знаю.

— Я сам подписал договор. Это не шутки. И сейчас пришла сказать, что хочешь меня?

Она вспыхнула.

— Не так!

— А как?

— Не знаю!

— Тогда лучше разобраться до того, как мы сделаем что-нибудь, о чём потом пожалеем.

— Ты уже жалеешь?

— О чём?

— Что подписал.

Бьянка обошла стол и приблизилась ко мне. Между нами было десять сантиметров, моя рубашка с жёстким воротником и её тонкое платье.

— Курт, я правда не знаю, чего хочу. Василис хороший.

— К сожалению.

— Почему к сожалению?

— Был бы сволочью, всё было бы проще.

Она тихо рассмеялась.

— А ты сволочь?

— Однозначно.

— Тогда почему с тобой хорошо?

Я поднял руки и положил ей на талию. Она прижалась ко мне. Я чувствовал тепло через ткань платья, видел губы, глаза, маленькую родинку возле уха. Всё как вчера, только теперь никакого пальца между нами не было.

— Бьянка, если сейчас поцелую, ты завтра можешь пожалеть.

— А если не поцелуешь, могу пожалеть сегодня.

Она наклонилась, наши губы встретились. Бьянка сначала замерла, будто сама не ожидала, что дойдём до этого. Потом пальцы сжались на моих плечах, губы ответили мягко, осторожно. От неё струился аромат ромашек. Я притянул её чуть ближе, почувствовал грудь, живот, бедро.

В голове потемнело, я почему-то вспомнил детей и жену Зинку. Как они там, пока их папка лапает двадцатилетнюю Красивку? Золотая девочка была в моих руках!

Вдруг Бьянка отстранилась. Я убрал руки.

— Что?

Она коснулась пальцами губ.

— Не знаю.

Глаза блеснули. Она села на край стола рядом.

Несколько секунд молчала, глядя в пол.

— Мне понравилось.

— Мне тоже.

— Очень.

— Тут тоже совпадаем.

— Василис ничего плохого не сделал.

Я почувствовал себя ещё большей сволочью.

— Тогда больше не будем.

— Почему сразу больше?

— Бьянка.

— Я не сказала, что не будем.

— Ты только что...

— Я сказала, что сложно.

Я рассмеялся.

— Ты меня когда-нибудь доведёшь.

Она встала, подошла к двери, положила руку на ключ.

— Курт.

— Что?

Она медленно повернулась. Лицо было серьёзным, сосредоточенным.

— Ты ведь всё равно собираешься однажды уйти из этого мира?

У меня внутри всё оборвалось. Бьянка смотрела несколько секунд, потом повернула ключ, открыла дверь и скрылась в темноте коридора, оставив меня с тяжёлыми мыслями.

Глава 6. Мёртвые платят налоги

На следующий день я шёл в Канцелярию злой, невыспавшийся и с твёрдым намерением заняться исключительно работой.

Пока шёл, вместо того, чтобы наслаждаться пением птиц, думал о ерунде. Перед глазами стояла Бьянка, а в голове крутились её слова, собираюсь ли я однажды уйти из этого мира. Откуда она вообще это взяла? Я ей ничего не говорил.

Действительно, после молнии я сильно изменился, да что там говорить, я стал другим. Осталось только тело и голос Курта. А душа внутри тела была моя, Ивана Винторогова. Салли вроде тоже что-то подозревала, но прямого разговора с ней не было. Партнёр, конечно, тот ещё фрукт, но не настолько болтлив, чтобы являться двадцатилетним красавицам и рассказывать, что их неродной брат на самом деле сорокадвухлетний московский адвокат, который временно занял чужое тело.

Зачем это ему? Там может всё предприятие пойти Фискалу под драконий хвост.

Самое неприятное было даже не в вопросе Бьянки. А в том, что я не ответил. Мог рассмеяться. Мог сказать, что она дура. Мог спросить, куда это я собрался уходить, если поместье теперь моё, должность моя, долги погашены, Фискал жрёт наших поросят, а сама она сначала обручилась с Васи-

лисом, а потом полезла целоваться со мной.

Впрочем, Бьянка была не простой девушкой. У неё были магические способности. И кто знает, может этих способностей хватило, чтобы прочесть меня, как открытую книгу

Я поднялся на четвёртый этаж, прошёл по коридору, открыл дверь кабинета и сразу услышал из подсобки:

— Наконец-то. Я уже начал думать, что государственные служащие здесь работают только после обеда.

Голос немного хриплый и совершенно незнакомый.

Черк сидел за столом и писал как ни в чём не бывало.

— Ты тоже это слышал? — спросил я у Черка.

— А то! — произнёс гном, не поднимая головы.

— Это он?

— Дракул.

— Проснулся?

Из подсобки раздался смешок.

— Я уже двести тридцать один год не сплю, молодой человек. Иногда лежу с закрытыми глазами и представляю, что умер. Помогает от скуки.

Я медленно подошёл к двери подсобки и взялся за ручку.

Вчера Дракул только скребся, выл и стучал по крышке каменного гроба. Сегодня, видимо, решил познакомиться.

— Доброе утро, — сказал я.

— Для людей доброе, для вампиров не очень.

Черк поднял голову.

— Не открывай.

— Я и не собирался.

Я отпустил ручку двери подсобки и сел за свой маленький гномий стол.

На столе Черка лежали три толстые книги, две пачки платёжных ведомостей, список умерших аристократов и отдельный лист, на котором гном рисовал стрелки между фамилиями, поместьями и счетами. Выглядело это как схема дела по отмыванию денег, только здесь половина участников официально лежала на кладбище.

— Нашёл что-нибудь?

Черк снял очки, протёр и снова надел.

— Я всю ночь сопоставлял реестр смерти, земельный реестр, Казначейство и наследственные переходы. Схема выстраивается интересная.

Я придвинул к нему стул и свой маленький стол.

— Показывай.

Он развернул первый лист.

— Граф Ленн си Мор. Официально погиб шесть лет назад при пожаре в северном поместье. Наследников первой линии нет, имущество перешло двоюродному племяннику.

— Нормально.

— Через четыре месяца племянник продал поместье купцу Талеру за двадцать процентов от оценочной стоимости. Купец через две недели перепродал землю фонду «Белая ступень».

— Очень благородное название.

— А фонд ещё через месяц заложил поместье в Императорском банке и получил сумму втрое выше первоначальной стоимости.

— И деньги?

Черк ткнул пером в правую часть схемы.

— Часть ушла племяннику. Часть купцу. Основная сумма переведена через три закрытых счёта в фонд, который в реестрах называется «Пустая корона».

— Прямо так? Не палятся!

— Что такое палятся?

— Ну когда огонь горит и показывает на нарушения.

— Да. И что любопытно, фонд зарегистрирован как организация поддержки семей умерших государственных служащих.

Из подсобки донеслось:

— Трогательно.

— Ты всё слышишь? — спросил я.

— Я вампир, а не глухой.

— И давно подслушиваешь?

— Двести тридцать один год. В основном скучные разговоры людей перед их кончиной, коей выступаю я сам.

— Продолжай, — сказал я Черку.

Гном раскрыл следующую книгу.

— Вторая схема. Баронесса Эльма фон Рит. Умерла четыре года назад от болотной лихорадки. Поместье унаследовала сестра. Через семь месяцев продала человеку по име-

ни Горт си Лен. Тот перепродал имущество закрытому обществу, оттуда деньги снова ушли в Пустую корону.

— А умершая?

— Продолжала получать ежемесячные выплаты.

— За что?

— Консультационные услуги.

— После смерти?

— После смерти.

— Налог платили?

Черк посмотрел на меня.

— С жалованья — да. С прочих доходов — нет.

На Земле я всегда говорил клиентам: хотите скрыть убийство — сложно. Хотите скрыть деньги — практически невозможно. Деньги вообще болтливее людей. Человек может молчать, умереть, исчезнуть, потерять память. А следы платежа остаются.

Империя могла создавать двойников, вытаскивать души, объявлять живых покойниками и держать секретную тюрьму за пределами обычной юрисдикции.

Но платить всё равно приходилось.

— Сколько таких схем?

— Я дошёл до пятидесяти семи. Потом понял, что нет смысла вручную рисовать каждую.

— И что общего?

— Почти всегда человек официально умирает. Имущество уходит дальнему родственнику. Родственник быстро

продаёт его ниже цены. После двух-трёх перепродаж актив оказывается у фонда, связанного с Пустой короной. При этом покойник продолжает получать деньги уже под другими основаниями.

— Под каким?

— Жалованье, консультации, аренда, выплаты по закрытым контрактам.

Я откинулся в кресле. Колени подняли стол. Чернильница качнулась. Черк придержал её рукой, даже не глядя.

— Человек формально умер, наследники получают актив, продают подставному лицу, потом всё возвращается структуре, которая этого покойника и спрятала. А покойник продолжает управлять своим бывшим имуществом уже через чужих.

— Похоже.

Из подсобки снова подал голос Дракул:

— Молодцы. Ещё пару недель, и догадаетесь, что мёртвые тоже любят деньги.

Я встал, подошёл к подсобке и открыл дверь.

Гробы стояли вертикально вдоль стен, только каменный гроб Дракула стоял на пеньках горизонтально. На крышке герб приставов, гроб опоясывали серебряные цепи, скреплённые толстыми печатями приставов, которые светились зелёным в темноте.

Из-под крышки торчали два тонких чёрных пальца с длинными ногтями.

— Это твоя рука? — спросил я.

— Нет. Соседа. Откройте чуть-чуть. Я хотя бы посмотрю, кто теперь распоряжается моим гробом.

— Не моим распоряжением запечатан.

— Вы слабый начальник.

— Я третий день на должности.

— Тогда пока простительно.

Я присел возле саркофага.

На печатях появились золотые строки.

«Арест движимого имущества».

«Запрет вскрытия до завершения исполнительного производства».

«Объект конфискации: вампир Дракул. Опасный субъект чрезвычайной силы. Не вскрывать магические печати!».

— Тебя конфисковали как имущество?

— Да. За долги хозяина.

— Ты был рабом?

— Юридически — да. Фактически хозяин боялся заходить в мою комнату после заката, так что вопрос спорный.

— А почему не сбежал?

— Потому что на мне было родовое обязательство служить владельцу поместья.

— И что с владельцем?

— Я его убил. Смог преодолеть магические запреты.

Из кабинета донёсся голос Черка:

— Да к чёрту его!

Дракул засмеялся.

— Не переживайте, господа. Это было сто двадцать лет назад. Я уже исправился.

— Теперь сначала выясняю, заслужил ли человек быть откушанным.

— И много заслуживают?

— По моему опыту — каждый третий. Но у вас, государственных служащих, процент выше.

— Ты всё слышал про нашу проверку?

— Почти всё.

— И понимаешь?

— Я был советником двух наместников, пережил смерть прежнего Императора, одну гражданскую войну, четыре реформы налоговой системы и одиннадцать попыток запретить вампиров. Последняя была особенно смешной. Запрет подписал министр, которого через неделю нашли без крови.

— Ты?

— Нет. Но я отправил убийце корзину фруктов.

Я невольно улыбнулся. Жуткий, но смешной.

— Что знаешь про официально умерших аристократов?

— Много.

— Например?

— Например, что вы копаете не туда.

— Почему?

— Потому что смотрите на деньги после смерти. А надо

смотреть на деньги до неё. Такие исчезновения стоят дорого. Подкуп врача, судьи, регистратора, семейного нотариуса, похоронной службы, иногда священника. Если человек богат — ещё дороже, потому что нужно убедить родственников, что тело действительно его.

— Ты сталкивался?

— Я сам однажды умер официально.

Черк появился в дверях.

— Курт, ты серьёзно разговариваешь с ним как со свидетелем?

— Пока как с консультантом.

— Он вампир.

— Ты гном.

— И?

— Ничего. Просто перечисляем факты.

Дракул тихо хмыкнул.

— Мне нравится этот мальчик.

— Мне двадцать два, — сказал я.

— Для меня вы оба младенцы. Один просто короче.

Черк обиделся.

— Я не короткий. Я гном нормального роста.

— Разумеется.

Я сел на маленький гробик.

— Допустим, мы тебя временно выпустим.

Черк чуть не подавился воздухом.

— Что?

Дракул очень спокойно спросил:

— Зачем?

— Мне нужен тот, кто знает старые аристократические схемы и может ночью залезть туда, куда я днём не попаду.

— Что получу я?

— Возможность иногда выходить.

Крышка едва заметно дрогнула.

— Иногда?

— По ночам.

— И питание?

— Это отдельный вопрос.

— Главный.

Черк закрыл лицо ладонями.

— Курт, ты сейчас торгуешься с вампиром о питании кровью! Он пьёт до суха!

— Я адвокат. Торговался и о худшем.

Из гроба донеслось:

— Мне нравится направление переговоров. Продолжайте.

Я подумал. Соглашение должно быть простым. Всё сложное потом превращается в лазейки.

— Никаких детей.

— Разумеется.

— Никаких беременных.

— Вы меня оскорбляете.

— Никаких случайных прохожих.

— Сложнее.

— Питаешься только преступниками.

— Осуждёнными?

— Не обязательно. Но виновность должна быть очевидна.

— Вам?

— Мне. И никаких убийств без моего разрешения.

Дракул помолчал.

— Людей, гномов и эльфов?

— Плохих людей, плохих гномов и плохих эльфов.

Черк поднял палец.

— Обязательно так и запиши. А то он потом скажет, что разрешили всех гномов.

— Я бы никогда, — возмутился Дракул. — Гномья кровь слишком густая.

— Все вампиры так сначала говорят. А потом привыкают. Гномов из договора вычеркиваем. И вообще, Курт, дружеский совет от коллеги, советую вычеркнуть и людей.

— Эльфы как тебе, Дракул? — спросил я.

— Вкусные.

— Тогда будешь пить кровь у Эльфов. Взамен, — продолжил я, — помогаешь расследовать Пустую корону, официально умерших аристократов, старые схемы владения и при необходимости защищаешь меня и Черка.

— От кого?

— От всех.

— А если мне попадётся очень плохой человек?

— Можешь выпить в целях самообороны.

Черк сел прямо на пол.

— Я увольняюсь.

— Заявление мне.

Из гроба донеслось:

— Маленький господин, не переживайте. Если ваш начальник погибнет, я помогу оформить заявление.

— Почему именно если погибнет?

— Потому что после смерти начальство обычно сговорчивее.

Вопрос оставался один — печати приставов.

Сам я снять их не мог. Дар показывал прямой запрет, а если просто сорвать — Черк потом лишится своей комнаты в общежитии, потому что ответственность, по Указу императора, повесят на главного писаря.

Пришлось вызвать старого знакомого пристава Трумба. Тот приехал через два часа. Толстый, красный, пояс опять держит брюки на последней дырке, под мышкой папка. Я хорошо его помнил. Сначала он приезжал описывать наше поместье за смешной долг, потом привозил конфискованное имущество Вена фон Брауна и едва не умер от ужаса, когда нашли пропажу украшений.

Увидев табличку на двери кабинета, Трумб остановился.

— Хранилище погребальных принадлежностей?

— Теперь ещё кабинет Особого ревизора.

— Сочувствую.

— Спасибо.

Он вошёл.

Черк сразу подал ему акт.

— Нужно временно снять арест с одного объекта.

— С какого?

Я открыл дверь подсобки.

Дракул постучал по крышке.

Трумб закрыл дверь.

— Нет.

— Вы ещё не слышали.

— Мне достаточно.

— Это временно.

— Нет.

— Под надзором.

— Нет.

— По служебной необходимости.

— Нет.

Из-за двери донеслось:

— Господин пристав, вы опять поправились.

Трумб побледнел.

— Он меня помнит?

— Конечно, — сказал Дракул. — Вы ставили третью печать. Рука дрожала.

Трумб посмотрел на меня.

— Господин де Гри, это не имущество, это катастрофа.

— По документам имущество.

— Не придирайтесь.

— Именно за это мне платят.

Мы сели. Я разложил полномочия Особого ревизора, акт конфискации, постановление о временном использовании вещественного имущества в интересах расследования и проект соглашения.

Трумб читал долго и трижды возвращался к пункту про питание.

— «Лицами, чья виновность подтверждена Особым ревизором».

— Да.

— А если вы ошибётесь?

— Кто не ошибается, тот не ест.

— А если он ошибётся?

Из подсобки донеслось:

— Я редко ошибаюсь в еде.

Трумб вздрогнул.

— Уберите его отсюда.

— Он в гробу.

— Голос уберите.

— Не умею.

Пристав дочитал.

— Временное освобождение конфискованного опасного существа допускается только при наличии двух ответственных лиц.

— Я и Черк.

Гном поднял голову.

— Почему я?

— Потому что ты главный писарь.

— Я не подписывал.

— Пока.

Трумб продолжил:

— Один из ответственных должен отвечать имуществом.

Черк закрыл глаза.

— Конечно.

Я положил руку Черку ему на плечо.

— Если Дракул кого-нибудь съест, продадим твою комнату.

— Она казённая.

Дракул засмеялся так громко, что гроб загудел. После долгих приреканий Трумб всё-таки подписал. Потом ещё десять минут ставил печати на разрешение, перечёркивал старый запрет, оформлял временное снятие ареста и заставил нас расписаться в том, что мы предупреждены о «возможных последствиях контакта с субъектом вампирической природы».

После чего он встал перед саркофагом и начал снимать печати.

Первую.

Вторую.

На третьей руки всё-таки задрожали.

Когда сняли последнюю, крышка сама приподнялась — она буквально левитировала.

Потянуло ледяным воздухом.

Появилась бледная ладонь. Потом вторая. Пальцы легли на край, и крышка ушла в сторону.

Я ожидал увидеть чудовище. А увидел худого мужчину лет сорока на вид. Очень бледного, с длинными чёрными волосами до плеч, острыми скулами и серыми глазами. На нём был старомодный чёрный камзол, белая рубашка с кружевным воротником и цепочка с маленьким рубином. Клыки почти не выдавались.

Он глубоко вдохнул.

— Нравится воздух?

— Отвратительный.

Трумб отступил. Дракул выбрался из гроба.

Он стоял, и я смерил его: высокий, чуть выше меня. Он потянулся и похрустел суставами.

Первым заданием для Дракула стал Краст фон Эйл. Мы нашли его почти случайно.

Черк сопоставлял умерших аристократов с продажами имущества, я изучал налоговые карточки, а Дракул парил над полом недалеко от нас.

— Вот, — сказал Черк. — Барон Краст фон Эйл. Десятый ранг. Умер пять лет назад.

— Причина?

— Несчастный случай на охоте. Упал с лошади, сломал шею.

— Имущество?

— Перешло двоюродному брату. Вскоре брат продал два

поместья и городской дом некому Лестеру си Вайну.

Дракул повернул голову.

— Повторите имя.

— Лестер си Вайн.

— Знаю.

— Откуда?

— Он три года посещал закрытый клуб «Красная ночь».

— Что за клуб?

— Для людей, которым хочется делать то, за что обычно арестовывают. Скажем так: если посетитель «Красной ночи» утром находил на своей рубашке кровь, это ещё считалось удачным вечером.

Черк поморщился.

— И ты там бывал?

— Я был совладельцем.

Ну конечно.

— Лестер кто?

— Богатый торговец. Любит молодое вино, старые книги и девушек.

— Женат?

— Был три раза. Все жёны живы. Что удивительно.

Я посмотрел на документы. Лестер си Вайн появился в столице примерно пять лет назад — через месяц после смерти Краста фон Эйла, новоприбывший купил дом покойного у его двоюродного брата. А через полгода стал управляющим нескольких фондов, связанных с Пустой короной. На-

логи платил исправно, но доходы были крохами.

— Проверим, — сказал я.

— Сейчас? — спросил Черк.

— Сейчас.

— Уже вечер.

Дракул поднялся.

— Тем лучше. Днём я слаб. Как только заходит солнце, набираю силу и расправляю плечи крылья.

Дом Лестера си Вайна стоял в западной части столицы, где селились богатые купцы и аристократы низших рангов. Три этажа, серый камень, чёрные окна, высокий забор. На воротах герб отсутствовал, зато висела табличка:

«Частное владение. Вход по записи».

Дракул шёл чуть сзади. По условиям временного освобождения он должен был оставаться под надзором, хотя я пока не понимал, кто кого надзирает. Если вампир решит сбежать, я смогу ему только постановление вслед бросить.

Дверь открыл слуга.

— Господин си Вайн не принимает.

Я показал знак.

— Особый ревизор Канцелярии Его Императорского Величества.

Слуга изменился в лице.

Дар показал:

«Соккрытие налоговых документов работодателя».

— Передайте хозяину, что пришли по налоговому вопро-

су.

— Он занят.

— Тогда мы подождём внутри.

— Не положено.

Черк кашлянул.

— По статье сто двенадцать Ревизорского кодекса Империи ревизор вправе входить в помещение при риске уничтожения финансовых документов. За недопуск — арест.

Слуга побледнел ещё сильнее. Из-за моей спины Дракул тихо сказал:

— А ещё здесь кто-то очень вкусно боится.

Дверь открылась полностью. Нас провели в гостиную. Лестер появился минут через десять.

Мужчина лет пятидесяти, невысокий, плотный, седые волосы, аккуратная бородка. Одет богато, но без аристократических знаков.

Увидев меня, улыбнулся. Увидев Черка, кивнул. Увидев Дракула — улыбка исчезла.

Значит, знают друг друга.

— Господа.

— Господин си Вайн.

— Чем обязан?

Я не стал тянуть.

— Налоговая претензия.

Он даже расслабился.

— Какая именно?

— За пять лет вы не уплатили налог на личный доход по активам, которыми фактически распоряжались после смерти барона Краста фон Эйла.

— Не понимаю.

— Сейчас объясню.

Я достал документы.

— Пять лет назад Краст фон Эйл погиб на охоте. Имущество перешло двоюродному брату, затем часть купили вы. После этого вы получали доход с бывших земель Краста, контролировали счета, перечисляли деньги в закрытые фонды, но личный налог с прибыли платили по ставке купца, а не аристократа.

— Потому что я купец.

— Именно это и надо выяснить.

Лестер сел.

— Господин де Гри, вы путаете людей.

— Постоянно.

— Я никогда не был аристократом.

Дар качнулся.

Над Лестером появились строки.

«Использование чужого имени».

«Соккрытие прежнего гражданского статуса».

«Незаконное распоряжение имуществом после официальной смерти».

— Хорошо, — сказал я. — Допустим, вы не аристократ и даже не Краст. Вы же не Краст?

— Я Лестер си Вайн.

— Тогда почему после смерти Краста вы ежегодно от-
правляли распоряжения управляющим его бывших поме-
стий с личной кодовой фразой барона?

Черк выложил на стол копии.

— Почему вы знали пароль от родового сейфа?

Лестер промолчал.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Почему три ваши дове-
ренности заверены печатью, которую уничтожили после по-
хорон Краста?

Лестер побледнел. Дракул довольно улыбнулся.

— Налоги, — сказал вампир, — Самая страшная магия
человечества.

Лестер даже не посмотрел на него.

— Ты должен быть в гробу.

— Какое совпадение! Вы тоже, уважаемый.

Я едва не рассмеялся.

— Господин си Вайн, определитесь. Если вы Лестер, при-
дётся объяснить, откуда у вас документы с печатью покой-
ного барона и почему вы распоряжались его имуществом. А
если вы Краст фон Эйл...

— Это абсурд. Краст умер.

Я откинулся в кресле.

— Значит, налогов с Краста мы не взыскиваем.

Лестер помедлил и всё-таки кивнул.

— Разумеется.

— Тогда остаётся вернуть вас обратно.

Он нахмурился.

— Куда?

— В могилу.

Черк опустил голову. Плечи у него дрогнули.

Дракул ухмылялся в открытую.

— Простите? — переспросил Лестер.

— Вы сами только что сказали, что Краст умер. Если вы Краст, то вас здесь быть не должно

Лестер уставился на меня.

— Вы угрожаете мне убийством?

— Я предлагаю исполнить запись государственного реестра.

— Это безумие.

— Тогда платите налоги.

Лестер вскочил.

— Какие налоги?!

— Налог на личный доход аристократа десятого ранга за пять лет, пеня, штраф за сокрытие статуса, штраф за использование подставного лица, налог на наследственное имущество, который вы избежали, оформив собственную смерть, и отдельный сбор за фиктивное прекращение гражданского состояния.

— Такой сбор существует?

Я посмотрел на Черка.

Гном быстро полистал справочник.

— Пока нет.

— Тогда введём.

Лестер покраснел.

— Вы издеваетесь!

— Немного.

Я достал постановление.

— Но основной вопрос серьёзный. Либо вы Лестер си Вайн и тогда объясняете происхождение имущества Краста. Либо вы Краст фон Эйл и тогда государство хочет налогов за пять лет.

Он медленно сел.

— А если я откажусь отвечать?

— Заморозим счета.

— Не имеете права.

Я показал знак Особого ревизора.

— Имею на трое суток. А за это время введу постоянную заморозку.

— Тогда я обжалую.

— Обжалуете, но будет поздно.

Черк кашлянул.

— Рассмотрение обычно семь.

— Тем более.

Дракул тихо засмеялся.

— Молодой человек, вы мне определённо нравитесь. Я столько лет считал, что вампиры жестоки. Оказывается, мы просто плохо знаем налоговое право.

Лестер посмотрел на него с ненавистью.

И вот тут дар вспыхнул сильнее. Настолько, что в затылке заболело.

«Лестер си Вайн — имя используется незаконно».

«Краст фон Эйл — гражданский статус прекращён».

Потом появилась третья.

Я сначала даже не понял.

Перечитал.

«Тело не является копией субъекта Краст фон Эйл и принадлежит другому человеку».

Получается, это была не копия тела Краста... Это было тело другого человека...

Глава 7. Арест покойника

Получается, это была не копия тела Краста. Это было тело другого человека.

Я ещё раз перечитал золотую строку, надеясь, что дар сейчас моргнёт, одумается и напишет что-нибудь попроще. Например: «подделка личности», «незаконное использование документов» или на худой конец «магический двойник». Но здесь дар упрямо показывал:

«Тело не является копией субъекта Краст фон Эйл и принадлежит другому человеку».

Я посмотрел на Лестера си Вайна. Невысокий мужчина лет пятидесяти, седая борода, опрятный камзол, на пальцах два кольца. Интересно, а настоящий хозяин тела где? Хотя с моим везением можно было не гадать. Наверняка в Нулевом ранге.

— Черк, — сказал я, не сводя глаз с Лестера. — Записывай. Добавляем подозрение в незаконное перемещение души и использование чужого тела без согласия владельца.

Гном уже держал перо.

— Как сформулировать «использование чужого тела»? В кодексе такого состава нет.

— Тогда пиши как есть. Потом найдём.

Лестер резко поднялся. В этот раз он выглядел нет так, как несколько минут назад, когда возмущался налогами. То-

гда он изображал оскорблённого купца. Теперь лицо изменилось. Исчезла суета, пропало показное раздражение. Глаза стали спокойными и очень неприятными.

До этого перед нами сидел человек, играющий роль Лестера си Вайна. Теперь из этого тела на меня смотрел Краст фон Эйл.

— Я думаю, господин де Гри, наша беседа закончена.

— Не думаю.

— Вы пришли с налоговой проверкой. Я допустил вас в дом. Документы предоставляю через поверенного. Остальное — фантазии.

— Это не фантазии.

— Тогда предъявите основание.

Я показал знак Особого ревизора.

— Основание у меня на груди.

Краст посмотрел знак, поморщился.

— Эта должность существует меньше недели. Вы совершенно не понимаете, куда лезете.

На Земле каждый второй серьёзный клиент, когда понимал, что я нашёл не то, что должен был найти, начинал говорить про людей, которых мне лучше не злить. В большинстве случаев за словами «вы не понимаете, куда лезете» скрывается обычное «я надеялся, что вы дурак».

— Я как раз понимаю, куда лезу, — сказал я. — А вы залезли в тело, которое вам не принадлежит.

Краст побледнел. Черк это заметил и перестал писать.

Дракул, который всё это время стоял возле окна, наоборот, улыбнулся. У вампира вообще было удивительное чувство момента. Пока люди разговаривали о деньгах — скучал. Как только разговор накалялся, вампир оживлялся.

— Господин Лестер, — протянул Дракул, — или всё-таки барон Краст? Я бы на вашем месте определился. Два имени в одном теле — неудобно. На похоронах родственники запутаются, чьё писать на камне.

— Закрой рот, кровососущая тварь»

Улыбка Дракула стала шире.

— Вот теперь узнаю старого знакомого аристократа. Интересно, та девушка, кровь которой вы пили в клубе девочек, кровь которой вы пили в клубе «Красная ночь», когда на время с помощью магии переродились в вампира, ещё жива?

Я встал.

— Краст фон Эйл, именем Императора вы временно задерживаетесь до выяснения личности, происхождения тела и обстоятельств незаконного использования имущества после официальной смерти.

— Вы не можете задержать мёртвого.

— Тогда задерживаю Лестера.

— У вас нет претензий к Лестеру.

— Есть. Незаконное использование имущества Краста.

— Тогда сначала докажите.

— Для этого и задерживаю.

— Замкнутый круг.

— Государственная служба.

Краст усмехнулся, его правая рука исчезла под полкой камзола. Я увидел движение и успел отскочить. Из-под камзола вырвался зелёный свет: тонкая полоса, похожая на длинный хлыст. Она прошла там, где секунду назад была моя грудь, ударила в стену, и камень зашипел, будто на него плеснули кислотой.

Черк рухнул под стол. Краст махнул второй рукой, и окно за его спиной разлетелось. Стекло посыпалось во двор. В комнату ворвался холодный воздух.

— Стоять! — заорал я.

Глупость, конечно. Ведь человек, который только что попытался тебя распилить зелёной магией и выбил окно для побега, редко останавливается, потому что чиновник приказал.

Краст прыгнул на подоконник и был готов сигануть вниз и скрыться, как в одно мгновение вампир завис в воздухе снаружи окна перед беглецом. Чёрный камзол хлопнул, волосы разлетелись, глаза вспыхнули красным. Вампир мощным движением рук повалил Краста на пол, негодяй попытался сбросить вампира, развернулся, выпустил ещё один зелёный хлыст. Дракул выгнулся так, что нормальный человек сломал бы позвоночник, пропустил магию над собой и схватил Краста за ворот и разбил ему лицо, потекла кровь.

Дракул встал, держа противника за ногу развёрнутым к низу головой.

— Отпусти! — заорал Краст.

Дракул бросил подменного купца на пол и с ударом наступил ему на грудь.

Зелёный свет вспыхнул в руке и тут же погас.

— Противник нейтрализован, — сказал тихо Дракул.

— Черк, зафиксируй применение силы обвиняемым против нашего помощника!

Краст тихо прошипел:

— Это вы против меня силу применили! Уберите его! — хрипел Краст. — Эта тварь сломала мне руку и грудь!

— Вы в него магией стреляли, — сказал я.

— Я защищался!

— От ареста.

— Незаконного!

Дракул наклонился к лежащему Красту и внимательно посмотрел ему в лицо, потом перевёл взгляд ниже, на шею, где под тонкой кожей бешено колотилась жилка. Взгляд у вампира сразу стал каким-то слишком профессиональным. Я примерно так же смотрел на клиента, когда тот приносил договор на двадцать страниц и говорил, что подписал его не читая: вроде ещё ничего не произошло, но уже понятно, где будет самое интересное.

— Господин ревизор, — сказал Дракул, не отрывая взгляда от шеи Краста, — поскольку задержание состоялось, преступник обезврежен, а я, смею напомнить, принял в этом непосредственное участие, хотел бы обсудить вопрос возна-

граждения.

— Какого ещё вознаграждения? — спросил Черк.

Дракул не ответил сразу. Он чуть наклонил голову, словно выбирал, с какой стороны удобнее приступить к ужину.

Краст понял быстрее Черка.

— Нет!

— Тише, господин барон. Вы мешаете мне сосредоточиться. Я люблю принимать решения спокойно.

— Даже не думай! — Черк бросил бумаги на стол. — В соглашении чёрным по белому написано: питаться разрешается кровью плохих эльфов и только с согласия Курта. Люди исключены. Гномы исключены. Мы это отдельно внесли!

Трумб машинально подтянул штаны.

— Маленький господин, вы забыли исключение. Господин де Гри разрешил мне в целях самообороны питаться напавшим без уточнения породы.

— На тебя не нападали, — заявил Черк. — Краст напал на Курта.

Дракул посмотрел на Черка почти с сожалением.

— Вы сейчас серьёзно предлагаете мне объяснять правовой статус группы Особого ревизора человеку, который сам составлял приложение к соглашению?

— Объясняй.

— С удовольствием. Согласно пункту четвёртому я являюсь привлечённым членом группы Особого ревизора и обязан обеспечивать безопасность Курта де Гри, Черка си Тру-

ма и иных лиц по его распоряжению. Нападение было совершено на руководителя группы в момент исполнения им служебных обязанностей. Если руководителя группы пытаются убить, под угрозой оказывается выполнение задачи всей группы, а следовательно, и каждый её член.

— Это натяжка, — сказал Черк.

— Я двести лет слушал юристов перед тем, как их кусать. Невольно научился. Значит, — спокойно сказал Дракул. — Если в карету, в которой едут четыре человека, стреляют из арбалета и целятся в кучера, вы ведь не станете утверждать, что остальные трое просто случайно присутствовали при личном конфликте стрелка с кучером?

Дракул терпеливо ждал решения, всё ещё стоя ногой на Красте.

Краст, надо сказать, выглядел хуже всех.

— Не смейте! — прохрипел он. — Я аристократ десятого ранга!

— Были, — напомнил я. — Сейчас вы юридически мёртвый купец в чужом теле.

— Тогда я вообще не подлежу вашей юрисдикции!

Дракул облизнул губу.

— Мне нравится. Он сам просит перейти под мою.

— Нет! — одновременно сказали я и Черк.

Вампир вздохнул.

— Хорошо. Тогда разрешите одну порцию крови. Без летального исхода. Господин ревизор, я двести тридцать один

год существую на крови. Последние годы меня держали в гробу, где кормление происходило по исполнительной норме один раз в месяц, и то такой дрянью, что я иногда предпочитал голодать. Вы меня выпустили, повели на работу, заставили бегать за покойниками, в меня стреляли магией, а теперь хотите сказать, что я должен ещё и ужин пропустить.

Если так посмотреть — правда обидно. Я посмотрел на Черка.

— Нет.

— Черк.

— Нет!

— Чуть-чуть.

— Потом отвечать мне!

— Твою комнату не продадут.

Дракул поднял руку.

— Обязуюсь не убивать. И если разрешил Курт.

Краст посмотрел на меня с ненавистью, что дало мне повод принять верное решение.

— Чуть-чуть.

— Вы пожалеете! — прошипел Краст, — я буду жаловаться!

— Возможно. Но вы уже пытались меня убить.

Дракул улыбнулся.

— Благодарю.

Краст дёрнулся, но вампир наклонился и ухватился за лацканы, клыки вошли в шею почти без звука. Краст резко

вдохнул. Сначала всё казалось нормальным. Вампир сделал один глоток, второй, расслабил плечи, закрыл глаза, по лицу прошло такое выражение удовольствия, какое я видел у пана Жорки, когда тот хвастался своим новым блюдом из запечённого картофеля с чесноком.

— Всё, — сказал Черк. — Хватит.

Дракул не отреагировал.

— Дракул.

Краст начал бледнеть.

— Я сказал хватит!

Дракул открыл глаза, они уже были не красные, а жёлтые вольчи с красным отблеском.

Краст задёргался, но сил уже не хватало.

— Оттаскивай! — заорал Черк.

Я схватил Дракула за плечо. Это было всё равно что тянуть каменную статую.

— Дракул!

Никакой реакции.

Черк вцепился в его волосы. Вампир даже не заметил.

— За волосы бесполезно!

Если вампир его убьёт, дело развалится. А главное — никакой души для Партнёра. Нужен законный приговор, а не обед в гостинной.

Черк огляделся, схватил кочергу, которая стояла у камина, и ударил вампира по голове. Бесполезно.

Я схватил Дракула за ухо и дёрнул. Вампир резко оторвал-

ся от шеи и посмотрел на меня, как зверь на жертву. На секунду я подумал, что сейчас новым ужином стану я.

— Дракул.

Он тяжело дышал, я видел кровь на губах и огромные клыки, которые, как я понял, на время ужина выросли

— Договор, — сказал я.

Жёлтый свет в глазах дрогнул.

— Ты подписал договор.

Дракул провёл языком по губам.

— Неловко получилось.

Черк взорвался:

— Неловко?! Ты его чуть не убил!

Вампир посмотрел на Краста.

— Живой. Значит, договор не нарушен.

— Я сейчас тебя сам обратно в гроб запихну! — крикнул Черк.

— Маленький господин, вы очень нервный.

Я отпустил сухо сказал:

— Дракул, ещё один такой случай — и обратно под печатки.

Он моментально стал серьёзным.

— Понял. Кровь только по разрешению.

— И никаких толкований про нападение на коллектив.

Вампир немного помолчал.

— Жаль. Аргумент был хороший.

Черк кинул в него кочергой.

До суда Краст доехал живым. Правда, сам ехать не мог. Пришлось вызывать закрытую тюремную карету, двух жандармов и лекаря, который первым делом спросил, почему у задержанного сломана рука, две дырки в шее и почти нет крови.

Я ответил:

— Оказывал сопротивление.

В дороге Краст лежал на лавке, укрытый одеялом, и время от времени обещал уничтожить меня, род де Гри, Черка, Дракула, Канцелярию и всю судебную систему Империи.

Дракул после еды заметно повеселел.

Щёки даже немного порозовели.

— Хорошая кровь, — сказал он.

Черк уставился.

— Молчи.

— Я просто дал оценку.

Я отвернулся к окну. Смеяться рядом с пострадавшим непрофессионально.

Первое заседание по делу Краста фон Эйла назначили на следующее утро. Вот что значит должность Особого ревизора и печать Августа. На Земле подобное дело могло годами ходить между следствием, прокуратурой и судом. Здесь я вечером поймал официального покойника в чужом теле, а утром уже стоял перед судьёй.

Правда, сначала возникла маленькая юридическая про-

блема: никто не понимал, кого именно судить: Лестера или Краста.

Глава 8. Странный суд

В протоколе секретарь написал:

«Лестер си Вайн».

Защита тут же возразила. Адвокат Краста оказался худым эльфом в тёмно-зелёной мантии. Очень дорогой. Я таких на Земле узнавал сразу: клиент ещё не успел сказать «здравствуйте», а у адвоката уже оплачены три месяца работы.

Адвокат поднялся.

— Мой доверитель является Лестером си Вайном, купцом, гражданином Империи, ранее не судимым. Никакого Краста фон Эйла в зале нет и быть не может, поскольку барон официально умер пять лет назад.

Я улыбнулся.

— Хорошо.

Адвокат немного удивился.

— Что хорошо?

— Тогда судим Лестера за незаконное присвоение имущества умершего Краста, использование его печати, банковских кодов и средств.

— Мой доверитель приобрёл имущество законно.

— Тогда будем доказывать.

Эльф нахмурился.

— Однако обвинение в преступлениях Краста недопустимо.

— Согласен.

— Значит, прошу исключить из материалов все документы, относящиеся к барону.

— Не торопитесь. Одновременно Особый ревизор возбуждает производство в отношении Краста фон Эйла по факту уклонения от налогов, незаконного продолжения имущественной деятельности после смерти и сокрытия гражданского статуса.

По залу пошёл гул. Судья, пожилой мужчина с огромными седыми бровями, постучал молотком.

— Господин де Гри, Краст фон Эйл мёртв. Мёртвый не может быть ответчиком.

— Тогда пусть его представитель встанет.

Все посмотрели на Краста.

Тот сидел бледный, с перевязанной шеей и рукой на перевязи.

— Я не Краст, — сказал он.

— Отлично. Тогда возвращаемся к Лестеру.

Защита вмешалась:

— Господин судья, обвинение строится на абсурде. Особый ревизор одновременно утверждает, что мой доверитель является Лестером и Крастом.

— Нет, — сказал я. — Я утверждаю хуже. Тело — Лестера. Душа — Краста. Имя используется Лестера. Имущественные права — Краста. Налоги платятся как Лестером. А льготы получают как покойником.

В зале стало тише. Я разложил документы на столе.

— Пять лет назад Краст фон Эйл официально умер. После смерти его имущество передали родственнику, который за бесценок продал его Лестеру си Вайну. Через несколько месяцев Лестер начал распоряжаться имуществом Краста теми же кодами, теми же печатями и через тех же управляющих. При этом налог на наследование не платился, потому что формально наследник имущество продал. Личный налог Краста не платился, потому что Краст мёртв. А Лестер декларировал только небольшие купеческие доходы.

Судья листал бумаги.

— И вы полагаете, что это один человек?

— Я полагаю, что душа одного человека находится в теле другого.

Эльф-адвокат усмехнулся.

— На основании чего?

— Магической экспертизы.

Дар Партнёра предъявлять суду нельзя. Никто не знает, откуда он взялся, а если Август узнает, что я вижу над ним нарушения и негражданский статус, моя карьера Особого ревизора может закончиться чуть раньше положенного. Поэтому ночью мы с Черком и тремя магами Канцелярии оформили нормальную экспертизу. Точнее, маги смотрели тело. Я же задавал им правильные вопросы, чтобы выйти на нужный исход дела.

В результате выяснилось, что у Лестера отсутствует ро-

довой магический след его семьи, зато душевный отпечаток совпадает с сохранившимися вещами Краста фон Эйла.

— Представляю заключение трёх экспертов, — сказал я.
— Душевный след обвиняемого совпадает с родовым архивом Краста на девяносто семь процентов. Тело при этом не имеет никакого отношения к роду фон Эйл.

Адвокат взял документ. Лицо вытянулось.

— Возможна ошибка.

— Конечно. Поэтому нашли врача, который лечил настоящего Лестера си Вайна до его исчезновения.

В зал ввели старика, тот посмотрел на обвиняемого и побледнел.

— Это его тело.

Гул.

— Уверены? — спросил судья.

— Я лечил Лестера десять лет. У него на левом боку шрам после нападения кабана и сломанный мизинец на правой ноге. Всё совпадает.

— А лицо?

— Его.

— Тогда в чём проблема?

Старик посмотрел на Краста.

— Лестер был левшой.

Краст, по словам всех свидетелей, все пять лет подписывал документы правой. Мелочь, но именно на мелочах обычно и горят.

Дракул в первом ряду тихо произнёс:

— Какой ужас.

В зале раздался шёпот. Я положил судье ещё один документ.

— Самое главное. Настоящий Лестер си Вайн не умер.

Краст резко поднял голову.

— Откуда сведения? — спросил судья.

— Из закрытого реестра Нулевого ранга.

Я передал обрывок, который принёс Демир с регистрацией Трика и платёжные ведомости.

— Настоящий Лестер проходит как объект сто восемнадцать. Пять лет назад он был официально зарегистрирован как «перемещённый носитель». После чего его тело появилось в столице с душой Краста фон Эйла.

Судья долго смотрел.

— Вы утверждаете, что человека похитили, душу каким-то образом изъяли и поместили в тюрьму Нулевого ранга, а в тело поместили другого?

— Именно.

— Но документы показывают, что в тюрьму доставили субъекта с его именем и душевной привязкой. А тело осталось здесь. Значит, либо Лестер существует без тела, либо нам предстоит узнать ещё что-нибудь неприятное.

Защита попыталась возразить, но тут Краст сам всё испортил.

— Вы ничего не понимаете! — заорал он. — В Нулевом

ранге не держат людей просто так!

В зале стало тихо, адвокат закрыл глаза, я даже пожалел его. Когда клиент сам начинает давать показания без согласования, адвокат стареет лет на пять за минуту.

— Значит, вы подтверждаете существование Нулевого ранга как тюрьмы для душ, которые изъяли из тел? — спросил я.

— Я этого не говорил.

— Только что сказали.

— Я говорил гипотетически.

— А «не держат людей просто так» — это тоже гипотеза?

— Господин судья, прошу прекратить давление! — вмешался адвокат.

Судья нахмурился.

— Обвиняемый вправе не отвечать.

— Какой из двух? — спросил я.

В зале раздался смех.

Судья тоже чуть дёрнул уголком рта, но быстро вернул серьёзность.

Также мы с Черком предоставили переводы Лестера. Двое после получения денег исчезли. Один погиб в пожаре. Одна женщина официально утонула, но её имя оказалось в том же реестре покойников. Ещё три человека, которые могли доказать существование настоящего Лестера после якобы добровольной передачи имущества, получили статус умерших и были отправлены в Нулевой ранг.

Адвокат всё ещё держался. Но факты росли быстрее, чем он успевал придумывать объяснения.

— Всё это косвенные доказательства, — заявил он. — Ни один свидетель лично не видел переноса души.

— Тогда вызываю свидетеля, — сказал я.

Судья посмотрел список.

— Дракул... просто Дракул?

— Фамилию не использую уже двести лет, — раздалось из зала.

Вампир поднялся. По рядам прошёл шёпот.

Дракул выглядел великолепно. Черк утром нашёл ему старый, но приличный чёрный сюртук из конфискованного имущества, белую рубашку и сапоги. На фоне бледной кожи и чёрных волос получилось даже красиво. Если бы не клыки, которые после испития крови всё никак не уменьшались, его можно было принять за обедневшего аристократа.

Дракул вышел к свидетельскому месту. Секретарь протянул ему присягу.

— Клянётесь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

Дракул задумался.

— Даже если кому-то здесь она не понравится?

— Даже тогда.

Он приложил ладонь к печати. Та вспыхнула.

— Клянусь.

Судья нахмурился.

— Имя?

— Дракул.

— Полное имя.

— Когда-то Дракул си Нор. Потом хозяин лишил меня родового имени. А я чуть позже лишил хозяина крови. Так что теперь просто Дракул.

В зале кто-то закашлялся.

— Возраст?

— Двести тридцать один.

Перо секретаря замерло.

— Сколько?

— Двести тридцать один. В моём возрасте уже приятно, когда переспрашивают.

Судья постучал молотком.

— Свидетель, отвечайте на вопросы.

— Я и отвечаю.

— Без лишних замечаний.

Дракул вздохнул.

— Постараюсь.

Я решил вмешаться, пока судья не начал выяснять, как вампиру удалось прожить двести тридцать один год.

— Дракул, вы знали Краста фон Эйла?

Вампир посмотрел на подсудимого.

— Знал.

Краст отвёл взгляд.

— Где вы познакомились?

— В клубе «Красная ночь».

По залу прошёл шёпот. Судья едва заметно дёрнул бровью. Похоже, название ему было знакомо.

— Что Краст там делал?

Дракул усмехнулся.

— Вы точно хотите, чтобы я отвечал при всех?

— Дракул.

— Хорошо. Пил, играл, тратил деньги. Остальное к делу отношения не имеет.

Адвокат поднялся.

— Протестую!

— Сядьте, — сказал я. — Я как раз перехожу к делу.

Адвокат нехотя опустил обратно.

— Дракул, после официальной смерти Краста вы его видели?

Улыбка исчезла с лица вампира.

— Видел.

— Когда?

— Примерно через четыре месяца после похорон. Он пришёл ночью в «Красную ночь» уже в теле Лестера си Вайна.

Краст вскочил.

— Ложь!

Дракул повернул голову.

— Я вампир. Я узнаю людей не по лицу.

— По чему?

— По крови.

Судья нахмурился.

— Объясните.

— Тело отдавало Лестером. Я знал его до этого, несколько раз пил его кровь. На этот раз по запаху кровь была не его, это был не он, но душевный след явно его. Такое не спутаешь, спросите у любого вампира.

Адвокат закрыл лицо ладонью.

Дракул продолжил:

— Но поведение, речь, привычки и душевный след были Краста. А главное, он сам называл меня старым прозвищем, которое кроме Краста знали четыре человека. Двое к тому времени умерли, одного съели, четвёртый — был Краст.

— Дальше, — сказал судья.

— Краст предложил деньги за молчание.

— Вы взяли?

— Конечно.

Адвокат ожил.

— Значит, свидетель продажный!

Дракул посмотрел на него.

— Молодой человек, мне двести тридцать один год. Если бы я каждый раз отказывался от денег плохих людей, я бы до сих пор жил в подвале.

— Но вы получили плату!

— За молчание. Не за ложь.

Я еле сдержался.

— И молчали?

— До сегодняшнего дня.

— Почему нарушили договорённость?

Дракул улыбнулся.

— Краст умер.

В зале опять засмеялись.

— Он сидит перед вами!

— Юридически мёртв. Следовательно, договор с ним прекратился.

— Но вы же заключили этот договор якобы после смерти Краста, через четыре месяца... — не унимался адвокат.

— Это не меняет сути дела, — сказал Дракул.

Я посмотрел на Черка. Гном уткнулся лбом в ладонь. Вот кто научил вампира праву?

— Вы можете подтвердить, что в теле Лестера находится Краст? — спросил я.

— Могу.

— Каким способом?

— Укусить.

— Другим.

— Жаль.

Судья кашлянул.

— Свидетель.

— Есть старый вампирский способ узнавать душевный запах через кровь. После вчерашней... самообороны я совершенно уверен. Это Краст фон Эйл.

— Вчера свидетель пил кровь моего доверителя!, — вос-

кликнул адвокат.

— Немного.

— На каком основании?!

Дракул ответил раньше меня:

— На меня напали.

— Мой доверитель напал на господина де Гри!

— Господин де Гри является руководителем группы, в которую я включён. Нападение на руководителя при исполнении было нападением на группу, а значит, на меня.

К вечеру защита рухнула. Адвокат сделал всё, что мог и даже больше. Но невозможно одновременно доказывать, что твой клиент жив, когда ему выгодно владеть домом, мёртв, когда нужно не платить налог, Лестер, когда всплывает убийство Краста, и Краст, когда надо объяснить доступ к родовым счетам.

Я именно на этом и построил заключительную речь.

— Господин судья, защита всё заседание предлагает суду выбирать удобную версию личности обвиняемого. Когда речь идёт о доме — перед нами Лестер си Вайн, законный покупатель. Когда речь идёт о налогах Краста — Краст мёртв. Когда мы обсуждаем родовые коды — знания якобы случайно перешли Лестеру. Когда появляется свидетель, знавший Краста лично, — свидетель ненадёжный. Но закон не может работать только той стороной, которая удобна обвиняемому.

Я подошёл к столу Краста. Он смотрел исподлобья.

— Пять лет этот человек пользовался правами живого и

льготами мёртвого. Он получил тело Лестера, имя Лестера, возможность заключать сделки Лестера. Одновременно сохранил память, имущество, связи и влияние Краста. Когда требовалось платить — Краст мёртв. Когда требовалось распоряжаться — Краст внезапно оживал в пароле или распоряжении. Перед нами две личности, незаконно сложенные в одну ради выгоды, причём в чужом теле, душа которого находится в Нулевом ранге!

Дар вспыхнул. Над Крастом горели нарушения.

«Незаконное присвоение тела».

«Незаконное перемещение души».

«Лишение другого лица телесной принадлежности».

«Уклонение от налогов».

«Мошенничество при наследовании».

«Соучастие в незаконном лишении свободы».

«Организация убийств свидетелей».

Вот теперь я был уверен. Партнёр не придерётся.

— Прошу суд, — продолжил я, — восстановить правоспособность Краста фон Эйла исключительно в объёме, необходимом для привлечения к ответственности. Признать, что его официальная смерть не освобождает от ответственности за преступления, совершённые после неё. После чего рассмотреть убийства свидетелей, похищение Лестера си Вайна, незаконную пересадку души и участие в деятельности Нулевого ранга.

Судья долго совещался с двумя судейскими магами, потом удалился. Вернулся только через час.

Все встали.

— Суд постановил временно восстановить гражданскую правоспособность Краста фон Эйла с момента его официальной смерти. Исключительно для уголовного и налогового преследования.

По залу прошёл гул.

Я невольно улыбнулся. Пять лет Краст числился покойником, а теперь его вернули в число живых, чтобы отправить за решётку и взыскать налоги. Что ни говори, имперские законы умели удивлять.

Судья дождался тишины и продолжил:

— Суд считает доказанным, что после регистрации собственной смерти Краст фон Эйл продолжил деятельность в теле гражданина Лестера си Вайна. Все сделки с имуществом Краста фон Эйла, совершённые после его смерти, признать незаконными. Имущество арестовать. Сделки передать на отдельный пересмотр.

Краст не шевелился.

Судья перевернул лист.

— По совокупности представленных доказательств признать Краста фон Эйла виновным в незаконном лишении свободы Лестера си Вайна и помещении его в закрытое учреждение Нулевого ранга; незаконном перемещении собственной души и использовании чужого тела; убийстве двух сви-

детелей; организации исчезновения ещё трёх лиц; мошенничестве с наследственным имуществом и уклонении от уплаты налогов.

Адвокат опустил голову. Краст рассмеялся.

Судья продолжил:

— Лишить Краста фон Эйла прав, конфисковать имущество, полученное преступным путём, взыскать налоговую задолженность из законных активов рода и приговорить к публичной казни через отсечение головы.

Внутри приятно кольнуло. Вторая душа в моей копилке! Или третья, если Партнёр когда-нибудь перестанет жадничать и засчитает Вена.

Краст перестал смеяться. Я смотрел на него и думал о счётике.

1/100 + 1.

После казни первая единичка поменяется на два, если Пустая корона опять не украдёт душу. Эта мысль испортила настроение.

— Приговор может быть обжалован до рассвета третьего дня, — закончил судья.

Краст вдруг поднялся. Стражники придержали.

— Де Гри.

Я повернулся.

— Что?

— Думаешь, выиграл?

— Судя по приговору.

— Ты даже не понимаешь, что такое Нулевой ранг.

— Поэтому и спрашиваю у всех подряд.

Краст посмотрел на судью, потом на зал, он явно решал, говорить или нет.

— Это государственная служба.

Я усмехнулся.

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

— Пустая корона похищает людей, забирает тела, переносит души, подменяет аристократов и убивает свидетелей. Хорошая государственная служба.

— Законная.

— Что?

Краст наклонился вперёд.

— Нулевой ранг действует по уставу.

— Какому уставу?

— Первому закрытому уставу нынешнего правления. Он старше половины ваших законов, ревизор.

— Кто подписал?

Краст улыбнулся.

— Император Август.

В зале стало тихо. Даже Дракул перестал ухмыляться.

— Лжёшь.

Сердце ёкнуло.

Краст продолжил:

— Устав Нулевого ранга подписан Августом в первый год

его правления. Двести лет назад. Император сам дал Пустой короне право выводить определённых людей из обычной юрисдикции, прекращать их гражданский статус и использовать в интересах Империи.

— Использовать чужие тела?

Он засмеялся. Стражник толкнул.

— Ищите, де Гри. Вам понравится.

Его увели.

Вернулись в Канцелярию поздно.

Черк нёс папки. Дракул шёл рядом и выглядел довольным жизнью.

— Первый и второй день работы мне нравится, — сказал вампир. — Хороший суд, быстро вынесли смертный приговор. И правда, чего возиться. Раньше государственная служба была скучнее.

— Ты едва не сорвал мне дело.

— Но не сорвал.

— Ты чуть не убил обвиняемого.

— Но не убил.

Мы вошли кабинет, и я сразу обратил внимание, что на моём маленьком столе лежал чёрный неподписанный конверт.

Дракул дёрнул носом и сказал:

— Старый воск.

— Насколько?

— Старей меня.

Я не спешил трогать. Дар сработал и с расстояния.

«Копия государственного документа».

«Уровень допуска: максимальный».

«Несанкционированное раскрытие закрытого устава».

Я взял конверт. Внутри лежало около двадцати пожелтевших листов, сшитых чёрной нитью. На первой странице крупными буквами было написано:

«Устав Особой службы прекращённого гражданского состояния».

Ниже мелко:

«Нулевой ранг».

Внизу стояла печать. Та самая, которой был заверен указ о моём назначении ревизором Его Величества.

Рядом подпись:

Август. Император.

И дата — первый год правления.

Я провёл пальцем по бумаге. Дар вспыхнул так сильно, что пришлось зажмуриться.

Над текстом появились десятки золотых строк. Но одна была ярче остальных:

«Устав сохраняет юридическую силу».

Я перевернул первую страницу и начал читать закон, по которому двести лет людей официально превращали в мертвецов.

Глава 9. Устав Пустой короны

На следующий день на работу я пришёл рано утром, затемно. В нормальной жизни человек в такое время должен спать, обнимать жену, любовницу или хотя бы подушку, а не подниматься по холодной лестнице Канцелярии. Но нормальная жизнь у меня закончилась ещё в тот момент, когда внедорожник понесло боком на ледяной дороге, а потом я очнулся в теле двадцатидвухлетнего разжалованного клерка. Я не спал, потому что сегодня должны были казнить Краста. Идти на его казнь я не собирался, хотя площадь, на которой его казнили, находилась шаге от Канцелярии.

Возле входа дежурили те же доспехи без людей. Один повернул железную голову в мою сторону, я сморгнул, и понял, что это просто голова уже отказывает — голова кружилась. Рядом со мной понуро шёл Ларок.

Масляные светильники вдоль коридора горели один через пять для экономии, поэтому табличку на нашей двери я увидел только когда подошёл вплотную:

«Хранилище конфискованных погребальных принадлежностей».

Ниже:

«Кабинет Особого ревизора».

Ларок хотел что-то сказать, но я недовольно посмотрел на него, что он заткнулся, только еле слышно прошептал:

— Однако...

Ларок теперь меньше зазнавался, хотя аристократическая убудочность всё же пробивалась периодически, и что поделаешь: плохая наследственность от казнённого мной отца. После смерти отца, судебной дуэли, собственного похищения, подмены тела и приговора к службе под моим надзором он вообще стал заметно тише. Раньше из него постоянно торчала какая-то аристократическая гордость: подбородок выше, взгляд тяжелее, слово поперёк не скажи. Теперь иногда даже слушал. Хоть он и жил в моём поместье, но я его практически не видел. И то хорошо.

Черк уже находился внутри и марал бумагу скрипучим пером.

. Перед ним лежали чистые листы, карандаши, три справочника и вчерашний устав Пустой короны.

— Ты вообще домой ходишь?

Гном поднял глаза.

— Ходил.

— А спал?

— Немного.

Я снял камзол и повесил на гвоздь у входа. В кабинете было холодно. Отопление нам так и не включили, потому что гробы в подсобке, по мнению хозяйственного отдела, лучше сохранялись в прохладе.

Из подсобки донёсся голос Дракула:

— Господа, раз уж все собрались, могу сообщить хорошие

новости.

Я открыл дверь.

Вампир лежал в своём каменном гробу, крышка стояла на попа рядом. По условиям временного освобождения он обязан был находиться здесь днём, если не исполнял поручения.

— Без крышки посвежее, — сказал он.

— Какие новости?

Дракул открыл глаза.

— Краст фон Эйл ещё жив. По приговору его должны казнить с первыми лучами солнца. Я же как никто другой знаю, что солнце взойдёт через несколько минут.

Ларок спросил:

— Площадь отсюда видно?

Я пришёл в замешательство. И тут же Дракул не преминул подколоть:

— Из кабинета? Конечно. Если высунуть голову в вентиляционное отверстие.

Черк поднял взгляд от бумаг.

— Канцелярия считает оба отверстия окнами.

— Вот пусть Канцелярия через них и смотрит.

Я закрыл дверь подсобки, потом подумал и снова открыл.

— Дракул.

— Да?

— Ты слышишь площадь?

— Разумеется.

Вампир только немного повернул голову в сторону наруж-

ной стены.

— Толпа небольшая.

— Сколько?

— Не считал. Люди, гномы, эльфы. Один торговец продаёт горячие пирожки с крысиным мясом.

Черк нахмурился.

— Ты запах тоже чувствуешь?

— Не так хорошо, как кровь.

Я сел за стол.

— Нечего там смотреть. Ларок, вытащи себе гроб и сядь на него. Стульев у нас нет. Дракул, помоги!

Дракул сделал пас рукой, и один из гробов поднялся воздух и, пролетев мимо отпрянувшего меня, подлетел к Лароку.

— Вам такая высота удобна, господин Ларок? Пониже, повыше? — услужливо спросил Дракул.

— Не трать свою силу, — бросил Черк, — она тебе ещё понадобится!

— Ничего, я подержу для удобства господина. После того, как Курт разрешил мне испить кровь казнённого... Хотя в тот день Краст не был казнён...

Эти слова Дракула неприятно порезали мне душу. Как серпом по яйцам. После первой казни мне хватило эмоций. Секретарь Эдвард си Лорн до сих пор иногда приходил во сне и молит о пощаде.

Краст заслуживал приговор, тут сомнений не было. Он

украд чужое тело, убивал свидетелей, отправлял людей в Нулевой ранг, пять лет пользовался жизнью другого человека. Партнёр говорил, что невиновные не засчитываются. Хотя нет, он не говорил, что невиновные не засчитываются... Он говорил, нужно соблюсти процедуру... Не помню. Надо уточнить.

— Началось, — сказал Дракул.

Можно не смотреть, но когда рядом сидит вампир с таким слухом, это всё равно, что слушаешь как проходит матч по радио.

Дракул закрыл глаза.

— Палач проверяет топор.

— Нам не надо это знать, — сказал я.

— Краст что-то кричит.

— Тем более.

— Кажется, вас зовёт.

Я тяжело вздохнул.

— «Курт де Гри, крыса канцелярская, будь ты проклят до седьмого колена».

— У рода де Гри сейчас даже второго колена толком нет.

— Значит, проклятие с запасом, — сказал Дракул. Теперь обещает, что после смерти найдёт вас.

— Передай, что пусть встанет в очередь.

— Я не могу передать. Только слышу.

— Тогда зачем рассказываешь?

Вампир улыбнулся, не открывая глаз.

— Потому что забавно.

Ларок покачал головой.

— У тебя очень странное понимание забавного.

— Я вампир. У нас хороший юмор появляется после со-
того года. До этого смеёмся над падениями людей с лестни-
цы. Так. Ого! Краст просит помилования.

Я нахмурился.

— У кого?

— У Императора. Кричит, что служил Пустой короне,
знает тайны, готов назвать имена. Палач просит его успоко-
иться и держать голову ровнее. Краст говорит, что Август не
позволит.

— Что именно?

— Казнить.

Дракул помолчал.

— Палач отвечает, что разрешение Императора не требу-
ется.

Я невольно усмехнулся. Иногда бюрократия умеет уби-
вать буквально.

— Теперь Краст предлагает палачу сто золотых.

— Неплохая ставка.

— Палач просит двести.

Черк уставился на Дракула.

— Серьёзно?

— Нет. Я пошутил.

Черк схватил чернильницу.

— Ещё раз так пошутишь...

Дракул снова прислушался. По лицу расплылась улыбочка.

— Казнили?

Дракул кивнул.

— Голова отделена чисто. Хороший палач. Без второго удара.

Ларок побледнел. Наверно, вспомнил отца. Вена казнили не так давно.

— Душа? — спросил я.

Дракул открыл глаза полностью.

— Я не вижу души.

— Я тоже.

— Вы и не должны.

— А ты?

Он покачал головой.

— Иногда чувствую переход. Сейчас ничего.

Это мне не понравилось. Краст должен был уйти Партнёру. Если Пустая корона снова перехватила душу, счётчик так и останется один из ста. Но проверять прямо сейчас я не мог. Партнёр сам решит, когда явиться.

Я посмотрел на устав.

— Ладно. С Крастом покончено. Займёмся теми, кто пока жив.

Черк подвинул документ ко мне.

Устав Нулевого ранга был написан тем особым языком чи-

новников, который существует в любом мире.

На Земле чиновник мог написать: «В целях совершенствования порядка реализации мероприятий, направленных на обеспечение соблюдения условий...», хотя имел в виду «поставить забор».

Здесь было то же самое. Я начал читать вслух:

— «Особая служба прекращённого гражданского состояния учреждается для содержания, использования и охраны лиц, чьё правовое существование прекращено в установленном законом порядке, но чьё физическое либо душевное присутствие сохраняется в интересах Империи».

Ларок нахмурился.

— Уже звучит плохо.

— Подожди.

Я продолжал.

— «Лицо, официально признанное умершим, не является гражданином Империи, не обладает самостоятельной правоспособностью, не может выступать стороной имущественного, семейного, служебного либо иного договора и не пользуется защитой обычного суда».

Черк сразу сказал:

— Это противоречит современному кодексу гражданских прав. Но устав старше, в этом загвоздка.

Я положил ладонь на лист, дар тут же вс вспыхнул.

«Норма действовала на момент принятия».

«Не отменена».

Две сотни лет прошло, а закон всё ещё действовал. Лежал себе в архиве, никому не мешал, пока какой-то мерзавец не откопал нужную статью и не начал на совершенно законных основаниях творить херню.

Я вспомнил похожий случай на Земле. Один хитрый владелец земли нашёл постановление ещё советских времён, по которому через его участок проходила техническая зона. Полвека про неё никто не вспоминал, трубы давно выкопали, объект снесли, вокруг вырос город. А постановление осталось. И мужик три года судился, доказывая, что на основании бумаги пятидесятилетней давности может перекрыть соседям дорогу.

Здесь вместо дороги были человеческие души.

Я продолжил читать:

— «Территория Особой службы признаётся нейтральной относительно обычной имперской юрисдикции. Нахождение на территории допускается исключительно для лиц с прекращённым гражданским состоянием, служащих Пустой короны и носителей специального допуска».

— Нейтральная территория — это как? — спросил Черк.

— Как посольство. Место одной страны внутри другой.

— То есть Нулевой ранг находится в Империи, но законы Империи там не работают.

— Обычные — да. Работает этот устав и специальные приказы.

Черк подвинул справочник.

— Но Император всё равно обладает властью.

— Тогда почему Август просто не освободит Альберта и других незаконно удерживаемых? Нет, тут не так просто, — сказал я.

— Август сам себе двести лет назад связал руки, — сказал Ларок.

— «Лица, помещённые на территорию Нулевого ранга в установленном порядке, не могут быть возвращены под обычную юрисдикцию без восстановления гражданского состояния в порядке, предусмотренном настоящим Уставом», — прочитал я.

Ларок взял лист.

— А порядок где?

Черк пролистал.

— Приложение шесть.

По приложению, восстановить человека можно было тремя способами.

Первый — доказать ошибочную регистрацию смерти.

Второй — получить единогласное решение трёх хранителей Пустой короны.

Третий — личный приказ Императора, подтверждённый хранителем.

— Вот, — сказал Черк. — Август может.

Я покачал головой.

— Читай конец.

Лицо гнома вытянулось после того, как я прочитал:

— «При наличии возражения хранителя исполнение личного приказа Императора приостанавливается до проверки соответствия возвращаемого лица требованиям государственной безопасности».

— То есть хранитель может не выполнить приказ Императора? — удивился Ларок.

— Временно.

— Сколько длится проверка?

— Срок не установлен, — сказал Черк.

— Можно проверять сто лет, — сказал я.

На Земле такие формулировки любили особенно. Если срок не установлен, чиновник делает вид, что действует «в разумный срок». А разум у каждого свой.

Подлетел Дракул. После рассвета вампир стал бледнее, а движения медленнее.

— Вы ищете не там. Вы всё пытаетесь найти способ заставить Пустую корону выпустить человека по их правилам.

— А надо?

— Сделать так, чтобы правила перестали действовать.

Двести тридцать один год иногда полезнее юридического образования.

— Объясни.

Дракул постучал длинным ногтем по середине пятой стра-
ницы.

— Читайте.

— «Особая служба прекращённого гражданского состоя-

ния сохраняет территориальную и судебную неприкосновенность до тех пор, пока в пределах Нулевого ранга содержатся исключительно лица, гражданское состояние которых прекращено вследствие смерти».

— Ещё раз, — сказал Черк.

Я прочитал медленнее.

— «До тех пор, пока содержатся исключительно лица, гражданское состояние которых прекращено вследствие смерти».

Весь устав держался на одной строке.

— Значит, — сказал Черк, — если там находится хотя бы один живой...

— Неприкосновенность прекращается.

— Полностью?

Я приложил руку.

Дар вспыхнул.

«Условие действия специальной юрисдикции».

«Нарушение условия влечёт прекращение территориальной неприкосновенности до устранения нарушения».

— До устранения нарушения.

— Если человека признали умершим, юридически он мёртв. Даже если физически жив, — сказал Ларок.

Черк снял очки и начал протирать. Это у него происходило всегда, когда мозг работал быстрее рук.

— Тогда лазейки нет, — сказал гном.

— Есть лазейка в самой смерти, — сказал Дракул.

Я встал и начал ходить по кабинету. Так думалось лучше.

— Они строят всю защиту на том, что человек сначала становится юридически мёртвым, а потом его отправляют в Нулевой ранг. Значит, нам нужно найти человека, чья смерть оформлена неправильно.

— Просто нарушение процедуры не обязательно отменяет смерть, — сказал Черк.

— Правильно. Нужна ничтожность.

— Что это значит? — спросил Ларок.

— То и значит. Если смерти юридически никогда не было.

Я взял чистый лист и написал сверху:

«ЖИВОЙ ПОКОЙНИК».

— Нам нужен любой узник Нулевого ранга, у которого свидетельство о смерти недействительно с момента оформления. Например, подпись поставил неуполномоченный человек. Или смерть зарегистрировали до наступления события.

— Поддельная печать, — добавил Черк.

Ларок вдруг сказал:

— Или тело не принадлежало человеку. Как у меня, когда меня подменили. Все думали, что умер я. Но тело было копией.

— Если смерть зарегистрирована по чужому телу, юридически она может быть ничтожной, — сказал я.

Черк уже копался в справочнике.

— Не всегда. Если есть магическое подтверждение личности...

— А если нет?

— Тогда свидетельство отменяется с момента выдачи.

А потом я вспомнил Демира.

— Демир си Вальд.

Черк поднял голову.

— Что с ним?

— Он умер второй раз у нас возле ворот.

— И?

— Если его первая смерть была настоящей юридически, вторая просто подтверждает физический факт. А если первую смерть зарегистрировали без тела?

— Тогда нужно посмотреть материалы, — сказал гном.

— Вот и посмотрим.

Мы полезли в архивные копии, которые успели запросить. Демира объявили погибшим при попытке бегства. Тело не предьявлялось. Причина — «полное разрушение огненной магией». Смерть подтвердили два стражника и начальник конвоя.

— Так-с, — сказал Черк. — Допускается без тела, если уничтожение подтверждено двумя независимыми свидетелями.

— Стражники подчинялись начальнику конвоя?

— Конечно.

— Тогда насколько независимые?

— Формально служебная зависимость не отменяет свидетельство.

— Жаль.

Дракул лежал как бы на диване, хотя на самом деле леветировал.

— Вы слишком спешите. Двести лет система существует. Вы хотите разобрать её за утро.

Следующие два часа мы читали. Черк притащил из архива три книги комментариев к прекращению гражданского состояния. Ларок искал всё, что касалось магической идентификации тела. Я проверял даром каждую норму.

Картина становилась всё более мерзкой. Двести лет назад Август создал идеальную юридическую яму.

Если человека, гнома, эльфа или других разумных существ признают умершим, в ту же секунду он перестаёт считаться гражданином. После этого его можно переместить на территорию Нулевого ранга. Оттуда он не может нанять адвоката, подать жалобу, потому что мёртвый не является стороной производства.

Можно ненавидеть вора, но мастерство мастера нужно признать.

— Я понял, зачем им нужны официальные смерти, — сказал Ларок. — Эта система лишает самой возможности защищаться.

— Да, но эту систему создал сам Император, — сказал Черк. — А теперь просит нас это всё расследовать.

— Видимо тогда она была ему нужна для чего-то, — сказал я, — а теперь мешает.

Черк постучал пером по странице.

— Современные законы признают некоторые права за пропавшими и ошибочно умершими.

— Только после восстановления статуса, — сказал я.

— Но восстановить статус не даст этот старый документ, значит, опять замкнутый круг.

Я посмотрел на подпись Августа. Красивые завитушки, почерк уверенный, строки стремятся вверх, значит, уверен в себе и думает о себе как о важной персоне.

Я вспомнил, как дар во дворце показал:

«Субъект не является гражданином Империи».

Тогда я решил, что Август, как и я, попаданец. Но как он сюда попал и как занял такую должность...

— Курт, — сказал Черк. — Ты уже минуту смотришь на подпись.

Дракул хмыкнул.

— Вы плохо врётё.

Ларок усмехнулся.

— Тут я с ним согласен.

— Отлично. Один бывший враг и один вампир объединились против начальника.

Мы вернулись к документу.

Ключевой пункт лежал перед глазами: **«...сохраняет неприкосновенность до тех пор, пока содержатся ис-**

ключительно лица, гражданское состояние которых прекращено вследствие смерти».

Я обвёл красным карандашом слово «исключительно».

— Значит, задача номер один — найти живого.

— Юридически живого, — поправил Черк. — Идём в Имперский суд и требуем признать Нулевой ранг утратившим неприкосновенность.

Ларок покачал головой.

— Хранители не исполнят.

— Тогда придём с приставами. Трумб, думаю, сделает всё возможное.

Я представил толстого пристава Трумба, который стоит перед воротами тайной тюрьмы душ с папкой и говорит: «Откройте, у меня исполнительный лист». И поправляет спадающие штаны.

Дракул рассмеялся.

— Я хочу это увидеть. Он так дрожал, когда снимал печати с моего гроба.

К полудню кабинет прогрелся только за счёт тепла наших тел. Ларок снял верхний камзол. Черк перестал кутаться. Дракул, наоборот, стал вялым. Солнце ему мешало даже через стены.

Я заказал из буфета чай. Принесли ромашковый.

Я отхлебнул чая, поморщился и снова придвинул к себе первую страницу устава, когда заметил, что Дракул уже стоит рядом со столом и почему-то не смотрит ни на меня, ни на

Черка, а пристально разглядывает подпись Августа. Вампир вообще двигался бесшумно, особенно если не хотел, чтобы его заметили. В первый день это пугало, теперь начало раздражать: сидишь себе спокойно, Дракул парит вдалеке. И вдруг он уже рядом, кровосос бесшумный, и рассматривает бумагу через твоё плечо.

— Что там интересного? — спросил я.

Дракул не сразу ответил. Он наклонился ниже, почти коснувшись носом старой бумаги, потом слегка повернул лист к свету и провёл длинным ногтем над нижней частью императорского росчерка, не касаясь чернил.

— Подпись Августа странная.

— Ей двести лет. Я бы тоже за это время странным стал.

— Дело не в возрасте бумаги. Здесь что-то вписано внутрь росчерка.

Черк сразу отложил перо и придвинул лампу. Ларок тоже поднялся со своего места и подошёл ближе. Я посмотрел туда, куда показывал вампир, но ничего особенного не увидел: большая размашистая буква, длинная черта, чёрный изгиб подписи и старая императорская печать. Если там и было что-то ещё, моих человеческих глаз для этого явно не хватало.

— Ничего там нет, — сказал Ларок, вглядываясь в бумагу.

— Есть, — спокойно возразил Дракул. — Очень мелкие знаки. Они вписаны в толстую линию так, чтобы человек при обычном чтении принял их за неровности пера. Хорошая ра-

бота. Если бы чернила чуть сильнее выцвели, я бы тоже не заметил.

Черк полез в свой несессер и достал увеличительное стекло. Вот кто действительно был готов ко всему. Если завтра выяснится, что в Нулевом ранге надо вскрывать замок, гном наверняка достанет из кармана отмычку и потребует сперва оформить акт использования.

Он приложил лупу к подписи, долго водил над ней, меняя расстояние, потом нахмурился.

— Вижу какие-то маленькие чёрточки. Но на буквы не похоже.

— Потому что вы пытаетесь читать их как имперские, — сказал Дракул. — Это другая письменность.

Вот тут я насторожился.

— Какая?

Вампир выпрямился и посмотрел на меня. На его лице впервые за всё утро не было привычной усмешки.

— Не знаю.

От Дракула, который помнил прежнего Императора, пережил войну, несколько реформ, знал древние аристократические порядки и вообще любил напоминать окружающим, что старше их прапрадедов, такой ответ звучал непривычно.

— Ты же говорил, что знаешь староимперский, северные письмена и какие-то мёртвые языки.

— Знаю. Ещё древнеэльфийский, два церковных наречия, все варианты гномьей письменности и язык драконов,

а также язык, на котором писали маги западных островов, пока этих магов не сожгли драконы. Это не они.

Я забрал у Черка лупу и склонился над бумагой. Сначала увидел ровно то же самое, что и он: толстая чёрная линия, местами потрескавшиеся от времени чернила, крохотные штрихи, которые можно было принять за дефекты старого пера. Я повернул лист немного вправо, чтобы свет от лампы падал сбоку, потом придвинул лупу ближе.

И вдруг линии перестали быть случайными.

Сначала мозг продолжал воспринимать их как нечто чужое, ведь я в первый же день не замечал, что вообще пользуюсь другим языком — языком Империи. Я говорил на нём, думал, писал постановления, ругался с Черком, спорил в суде, и всё это происходило так естественно, словно родился здесь.

Но эти буквы я знал раньше. Я пододвинул лампу ещё ближе.

Внутри императорского росчерка действительно были спрятаны маленькие буквы — русские. «Мама мыла раму», вспомни я строки из букваря. Меня словно ударили под дых.

Я даже отодвинулся от стола и снова приблизился, не доверяя самому себе. Может, мозг пытается увидеть знакомые символы там, где их нет. Такое бывает: посмотришь на облако и внезапно видишь лицо, хотя никакого лица нет.

Это была обычная русская кириллица, на которой я всю предыдущую жизнь писал заявления, читал уголовный ко-

декс, переписывался с Иришкой, получал сообщения от детей и ругался с женой.

Я вдруг вспомнил домашний холодильник, весь облепленный магнитами. Записку Зинки: «Купи молоко и хлеб». Корявый почерк сына в школьном дневнике, вывеску возле моего офиса. Вспомнил исковое заявление, которое я читал утром перед смертью. Вспомнил совершенно простые вещи, о которых здесь почти не думал, потому что новый мир слишком быстро навалился на голову. И хорошо, что русский язык никуда из памяти не исчез.

Ларок наклонился через моё плечо.

— Ты что-то разобрал?

Я машинально прикрыл подпись ладонью. Взял чистый лист и перо. Попробовал вывести хотя бы пару букв. Рука дрогнула, первая вышла кривая.

Зачеркнул, написал ещё раз.

«Н».

Рядом:

«Е».

Черк тут же придвинулся.

— Что это за знаки?

Я посмотрел на две русские буквы посреди кабинета Императорской канцелярии. Вот так, отдельно от привычных слов, они и мне показались странными.

— Курт, — уже без улыбки произнёс Ларок. — Ты знаешь эту письменность?

Я положил перо.

Вспомнился Август. Молодой, обаятельный, на вид лет двадцать пять. Двести лет сидит на императорском троне, вручил мне чёрный ключ и отправил разбираться с тем, что сам когда-то и устроил.

Я ещё тогда подумал: попаданец, как и я. Но мало ли что я подумал. А теперь передо мной лежал устав, подписанный Августом в первый год его правления. И в росчерке его подписи прятались русские слова.

Император Август знал русский язык. И надпись была непростая.

Глава 10. Брат на жалованье

Бьянка пришла после полуночи.

Я как раз собирался ложиться и стоял возле кровати в одних штанах, пытаюсь решить важнейший вопрос: продолжать работать с документами по Пустой короне или всё-таки поспать хотя бы пять часов. Последние несколько дней я выбирал первое и начинал подозревать, что именно поэтому государственная служба считается вредной для здоровья.

Дверь тихо открылась.

— Ты стучать разучилась?

Она закрыла дверь и осталась возле неё.

На Бьянке было длинное светлое платье, самое обычное домашнее, без корсета, вышивки и прочих женских приспособлений, назначение которых мужчина понимает только в момент, когда пытается их снять. Золотые волосы она распустила. На пальце поблёскивало кольцо от Василиса в честь помолвки с синим камнем.

— Можешь не смотреть так на кольцо. Оно тебя не укусит.

После помолвки мы оба старательно делали вид, что ничего особенного не произошло. Она гуляла с Василисом, принимала цветы, спорила с портнихой о свадебном платье и за завтраком рассказывала матушке, какое очередное поместье фон Аров ей показывал новоиспечённый женишок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.